Снег, зеркало, яблоки™

18+

Нил Гейман

Коллин Доран

СНЕГ, ЗЕРКАЛО, ЯБЛОКИ™

Идея и текст
НИЛА ГЕЙМАНА

Адаптация и иллюстрации
КОЛЛИН ДОРАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Вел)-44
Г 27

Neil Gaiman
SNOW, GLASS, APPLES APPLES™
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Художник отдает дань уважения и признательности
ГАРРИ КЛАРКОМ
(ирландскому художнику)
1889-1931

Ассистент по цвету
ВЭЛ ТРУЛЛИНГЕР

Гейман, Нил.
Г 27 Снег, зеркало, яблоки / Нил Гейман, Коллин Доран; пер. с англ. Н. Иванова. —Москва: Издательство АСТ, 2019. — 64 с. — (Графические романы Нила Геймана).

ISBN 978-5-17-117674-7

Вовсе-не-злая королева запугана своей страшной падчерицей, но ей суждено победить это создание и спасти королевство от превращения в мир, где счастливые финалы далеки от «долго и счастливо».

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978 978-5-17-117674-7

SNOW, GLASS, APPLES™ © 2019 Neil Gaiman.
Artwork © 2019 Colleen Doran
© Н. Иванов, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Литературно-художественное издание
әдеби-көркем басылым

Серия «Графические романы Нила Геймана»

18+

Нил Гейман, Коллин Доран
СНЕГ, ЗЕРКАЛО, ЯБЛОКИ

Зав. редакцией *С. Тишков* Ответственный редактор *Е. Березина*
Компьютерная вёрстка *Е. Климова* Корректор *Н. Лин*

Подписано в печать 08.08.2019 Формат 70x108/16
Печать офсетная. Гарнитура San Marco LT CYR.
Бумага мелованная. Усл. печ. л. 5,6
Тираж 2500 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 – книги, брошюры печатные

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/ast_mainstream
https://www.instagram.com/ast_mainstream
https://www.facebook.com/astmainstream

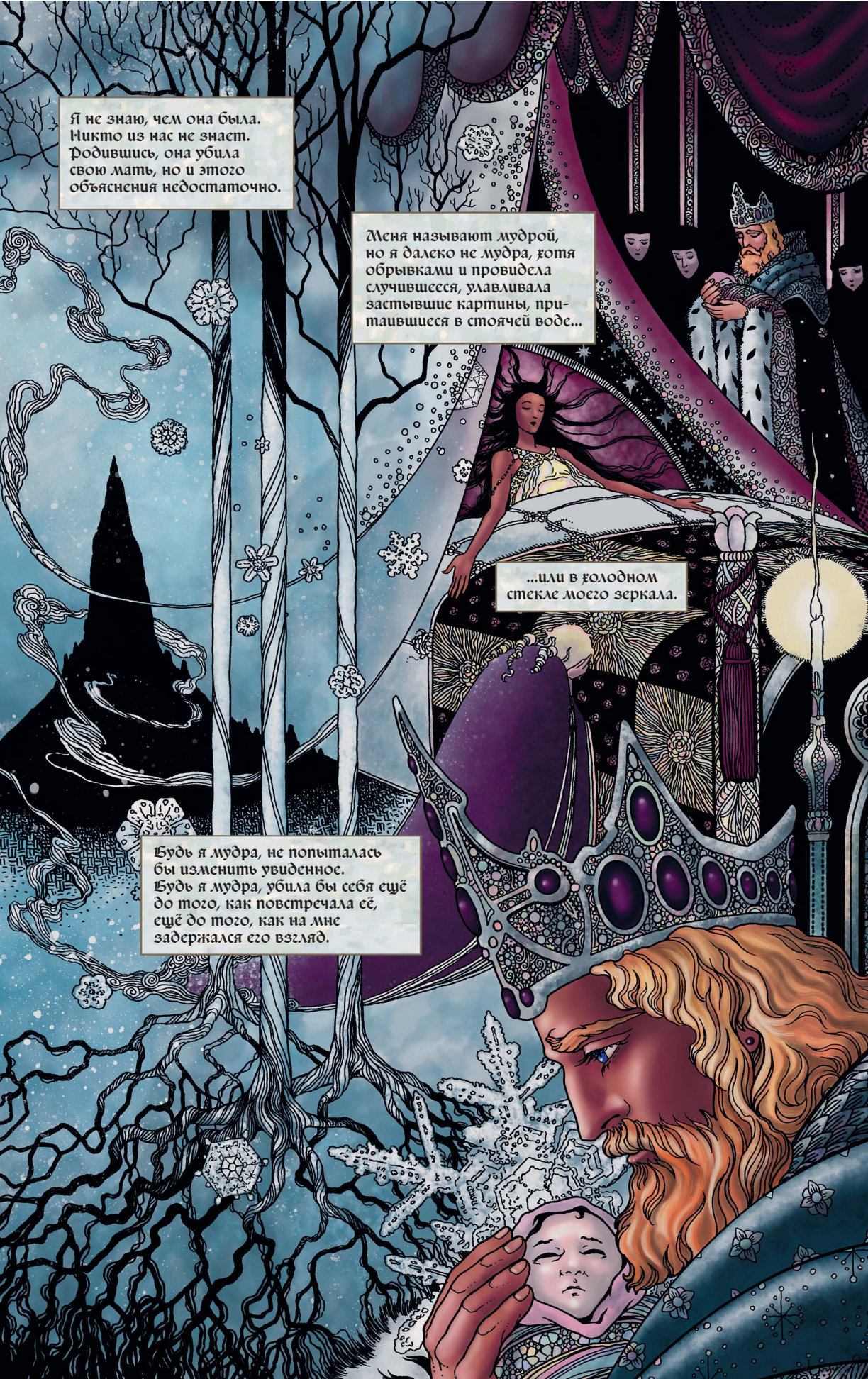
Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz

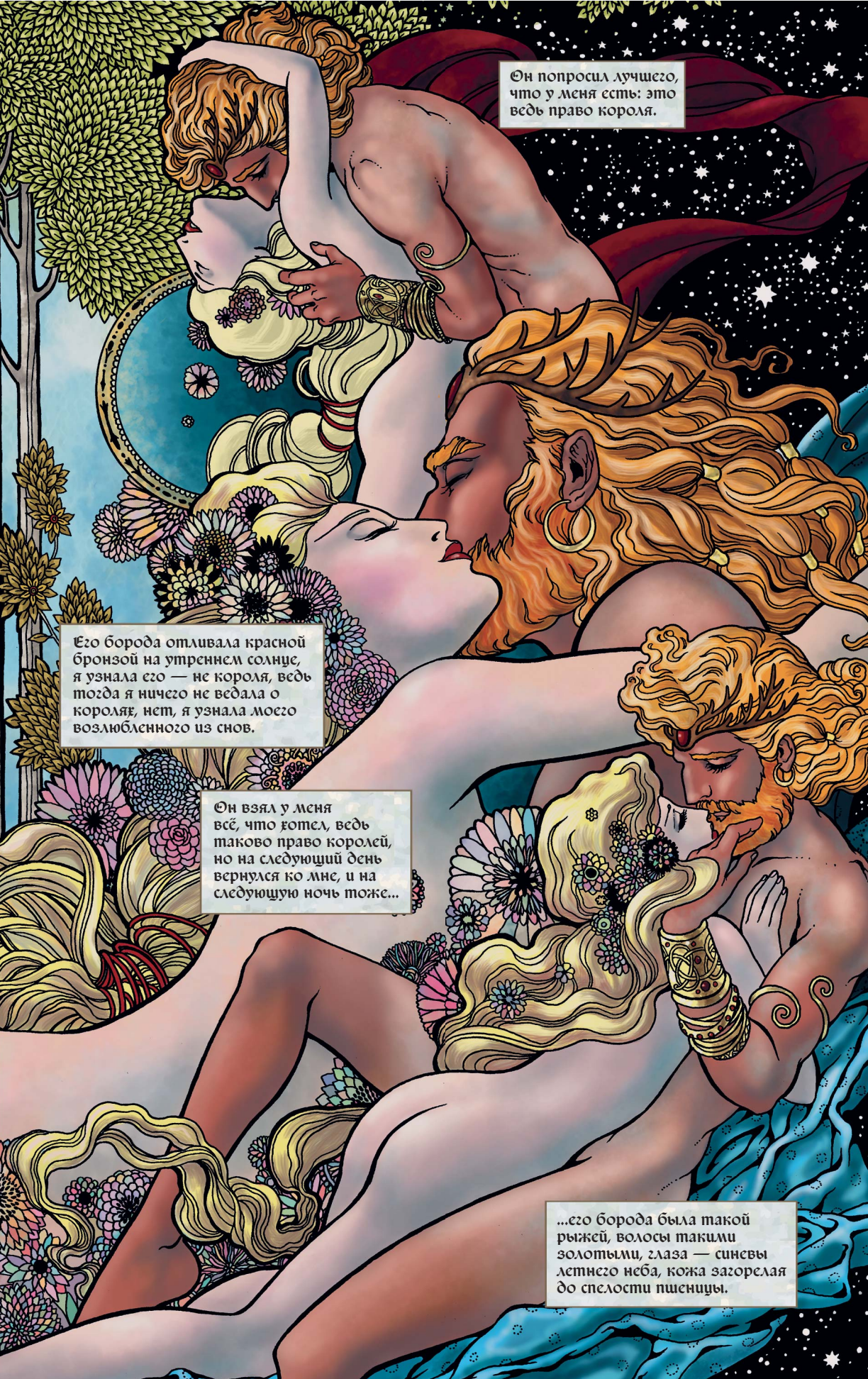
Импортер в Республику Казахстан
ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

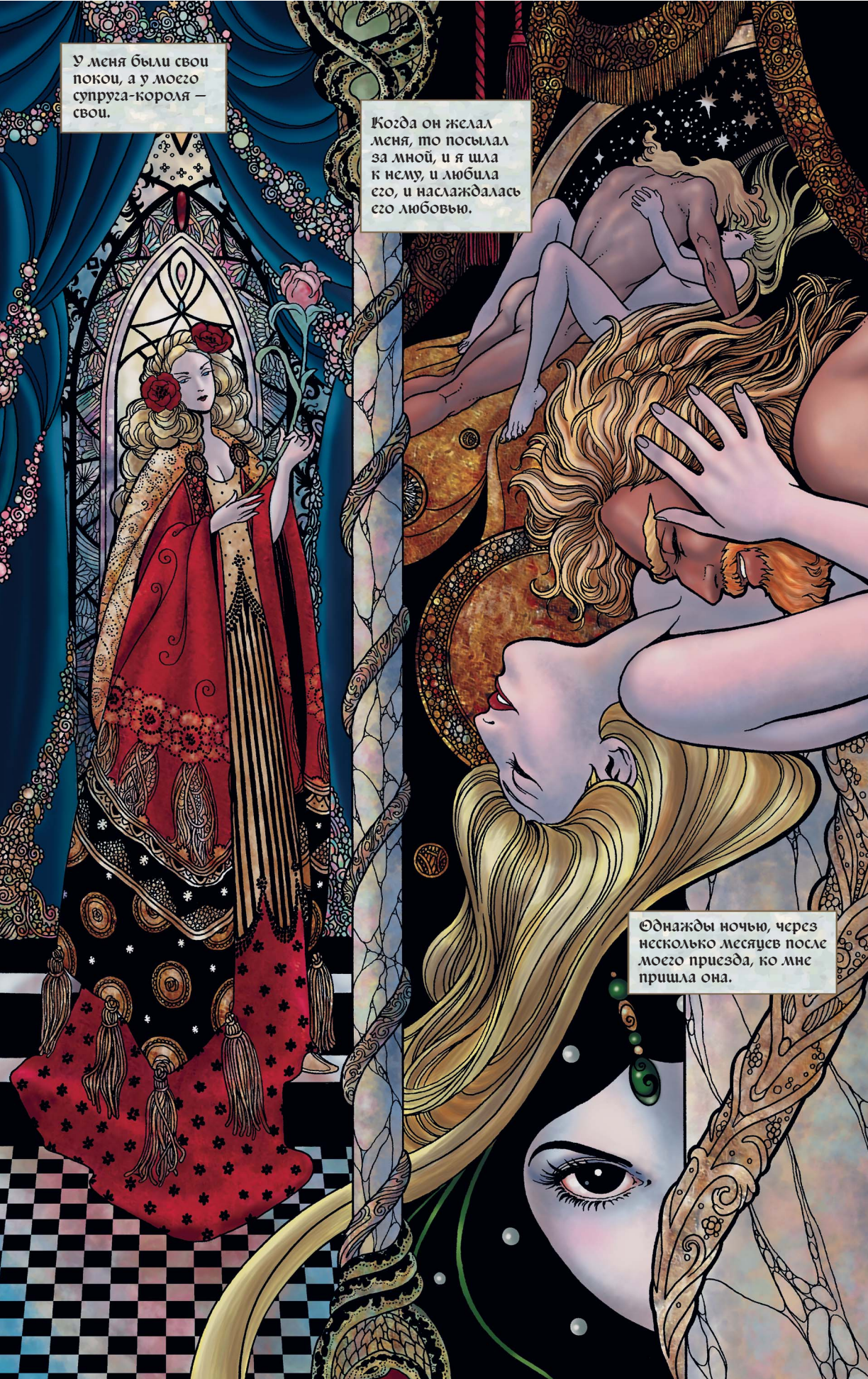
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2019
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

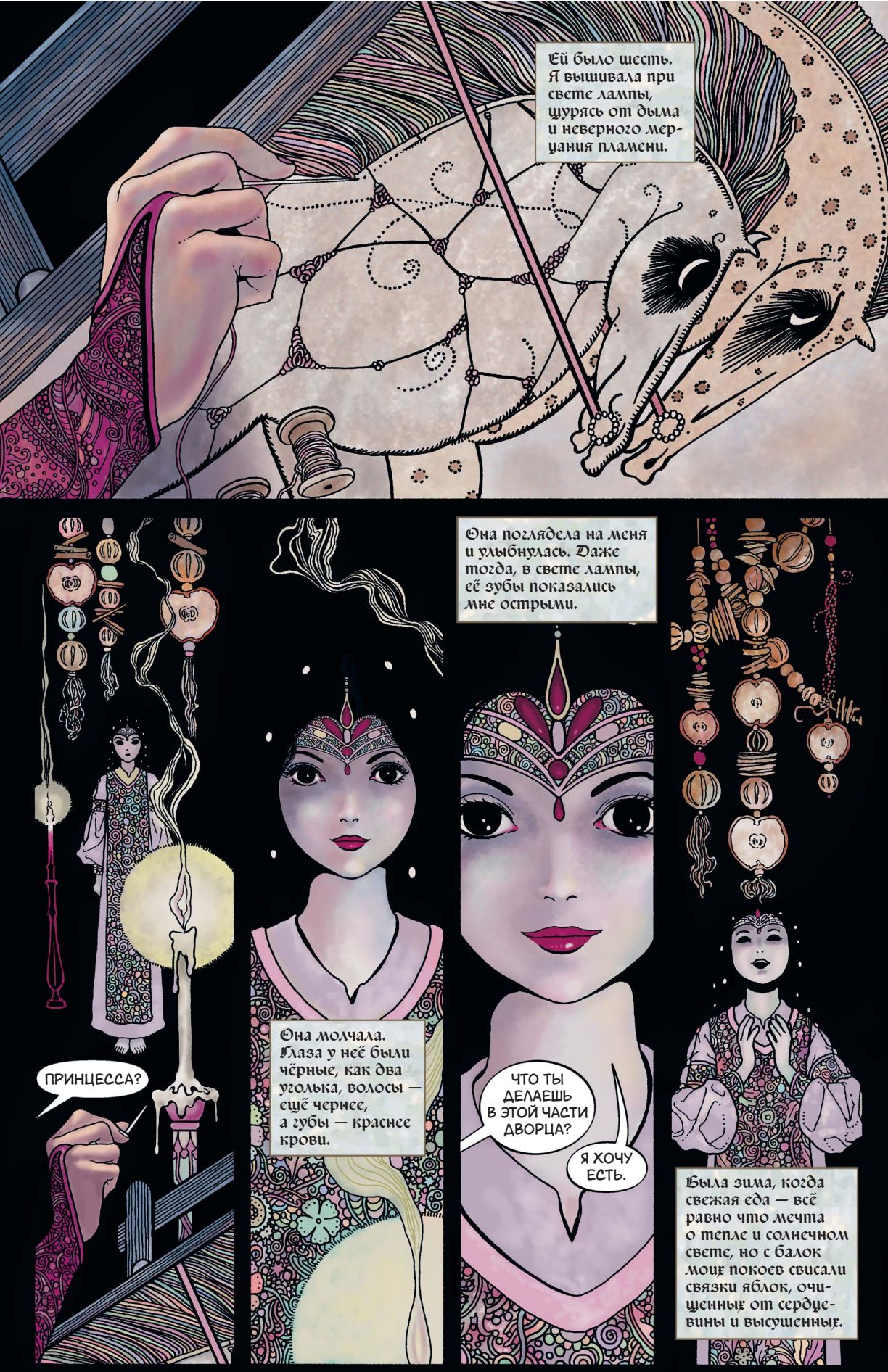

Я не знаю, чем она была. Никто из нас не знает. Родившись, она убила свою мать, но и этого объяснения недостаточно.
Меня называют мудрой, но я далеко не мудра, хотя обрывками и провидела случившееся, улавливала застывшие картины, притаившиеся в стоячей воде...
...или в холодном стекле моего зеркала.
Будь я мудра, не попыталась бы изменить увиденное. Будь я мудра, убила бы себя ещё до того, как повстречала её, ещё до того, как на мне задержался его взгляд.

Мудрая женщина, колдунья — так меня называли, и всю мою жизнь я видела его лицо во снах и отражении в воде: шестнадцать лет мечтаний о нём до того дня, когда однажды утром он придержал своего коня у моста и спросил, как меня зовут.
Он поднял меня на высокое седло, и мы поехали в мой маленький домик, я зарывалась лицом в мягкое золото его волос.

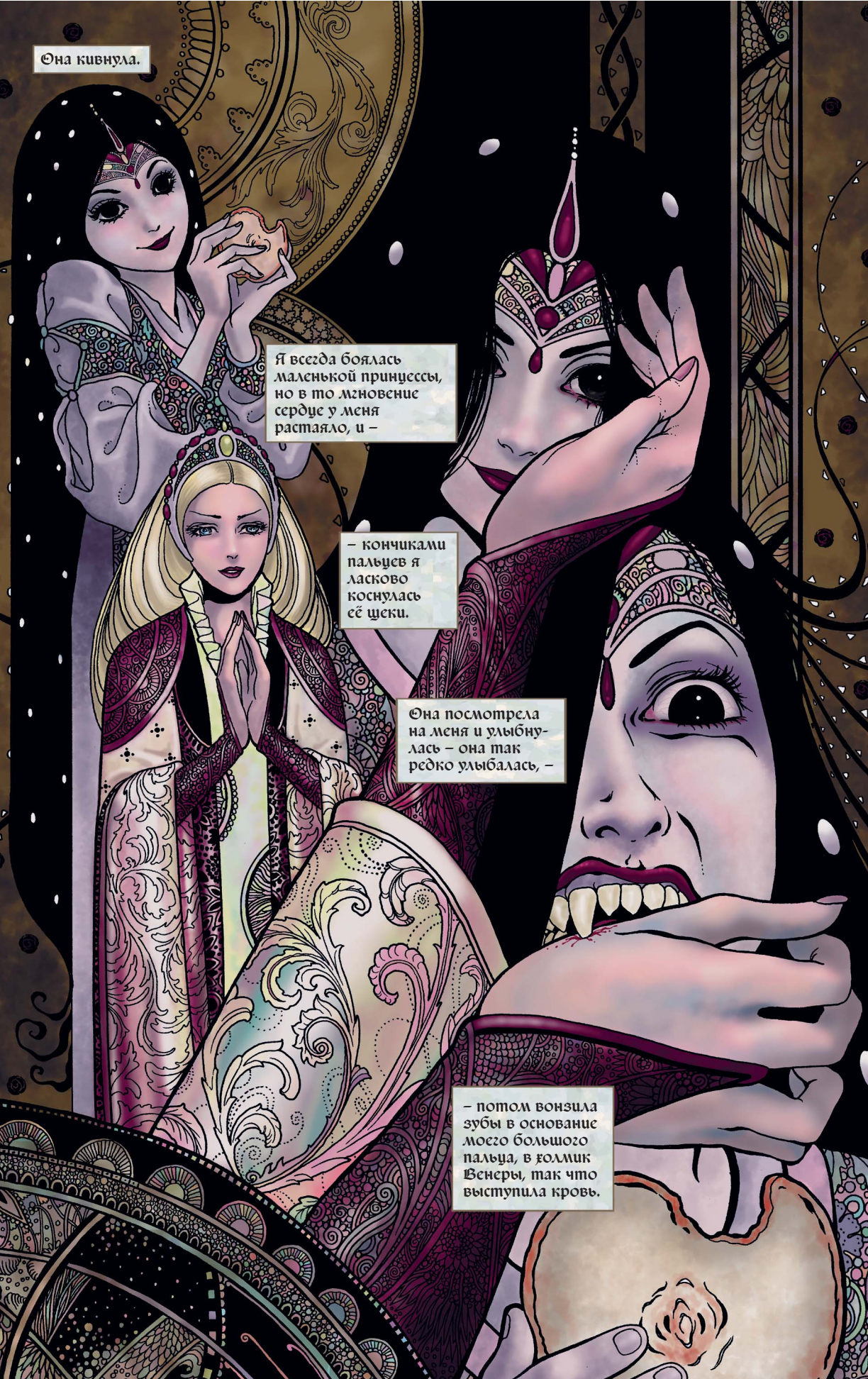

Он попросил лучшего, что у меня есть: это ведь право короля.
Его борода отливала красной бронзой на утреннем солнце, я узнала его — не короля, ведь тогда я ничего не ведала о короляхъ, нет, я узнала моего возлюбленного из снов.
Он взял у меня всё, что хотел, ведь таково право королей, но на следующий день вернулся ко мне, и на следующую ночь тоже...
...его борода была такой рыжей, волосы такими золотыми, глаза — синевы летнего неба, кожа загорелая до спелости пшеницы.

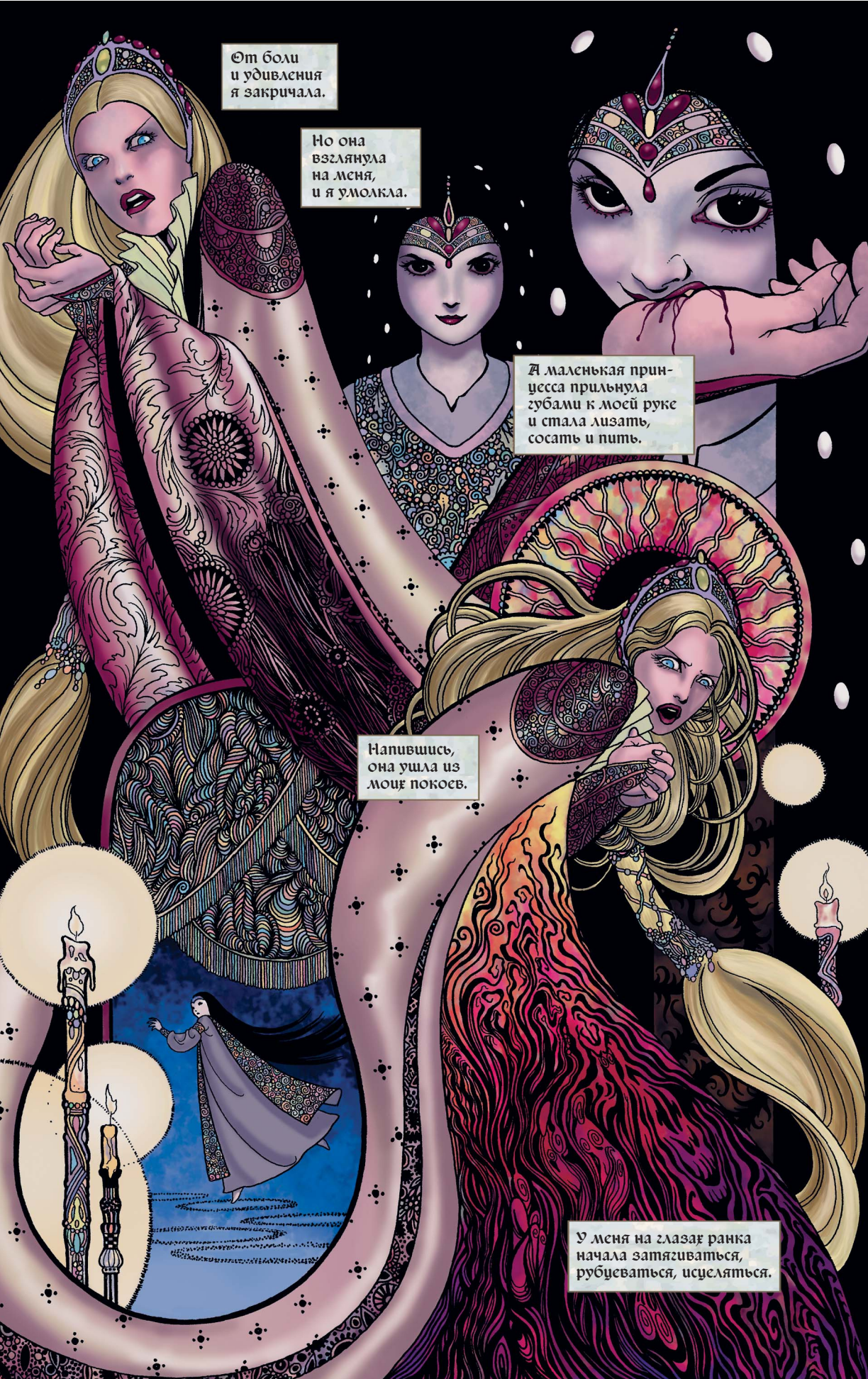
Когда он привел меня во дворец, его дочь была ещё дитя, всего пяти вёсен.
В комнате принцессы наверху башни висел портрет её покойной матери, высокой женщины с волосами цвета тёмного дерева и орехово-карими глазами.
Она была иной крови, чем её бледная дочь.
Девочка отказывалась есть вместе с нами.
Не знаю, где и чем она питалась.

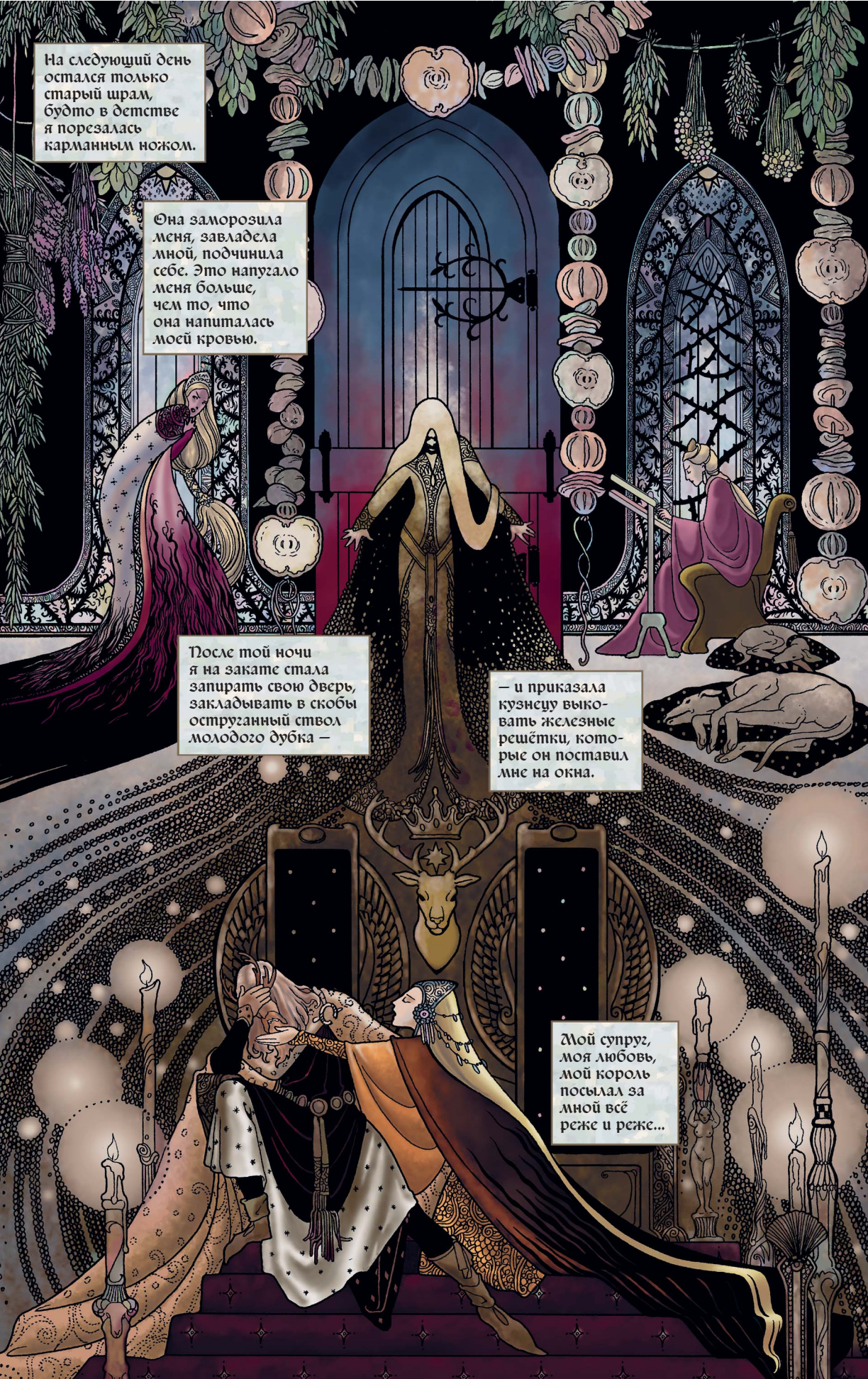

У меня были свои покои, а у моего супруга-короля — свои.
Когда он желал меня, то посылал за мной, и я шла к нему, и любила его, и наслаждалась его любовью.
Однажды ночью, через несколько месяцев после моего приезда, ко мне пришла она.

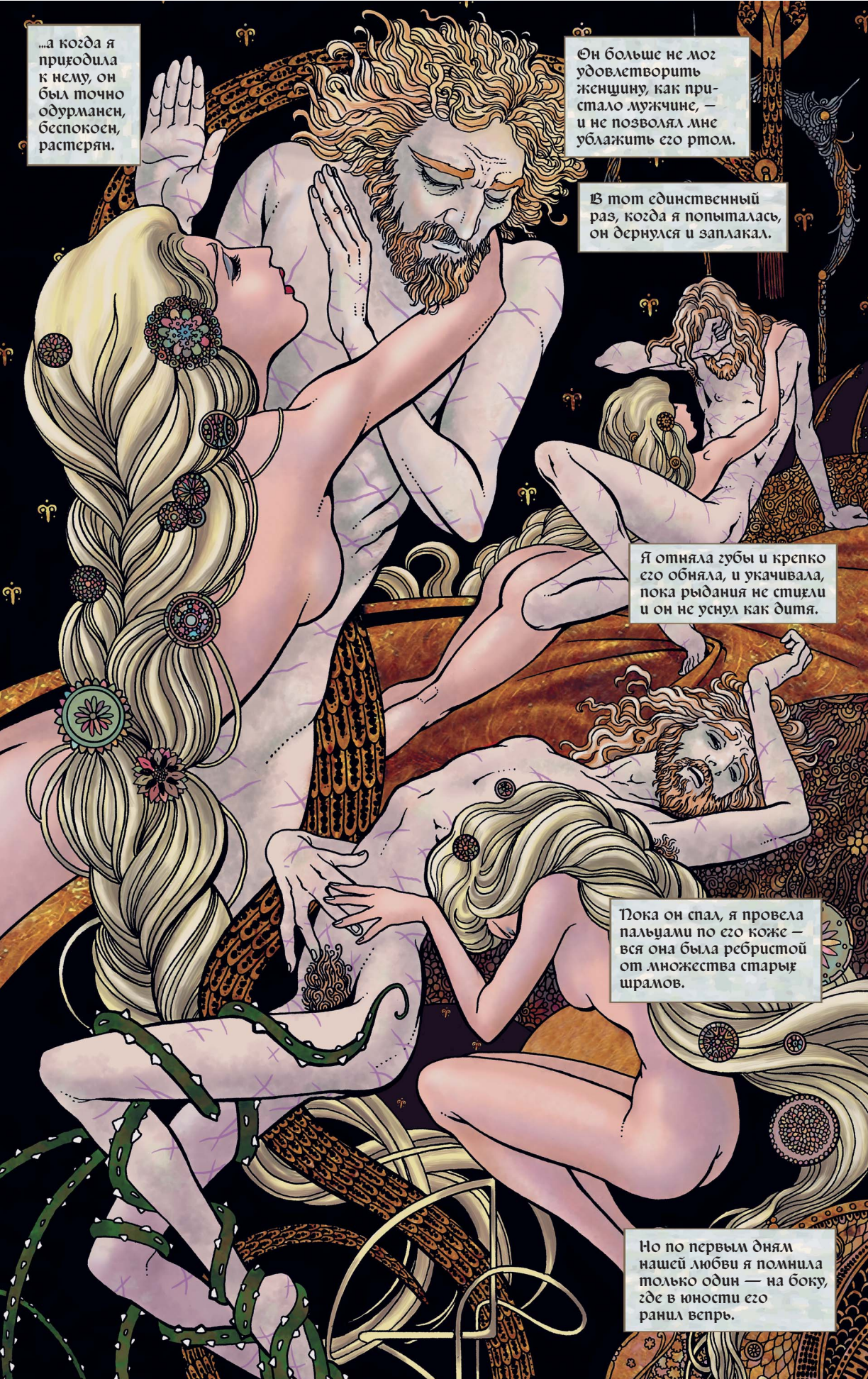

Ей было шесть. Я вышивала при свете лампы, щурясь от дыма и неверного мерцания пламени.
ПРИНЦЕССА?
Она молчала. Глаза у неё были чёрные, как два уголька, волосы — ещё чернее, а губы — краснее крови.
Она поглядела на меня и улыбнулась. Даже тогда, в свете лампы, её зубы показались мне острыми.
ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ В ЭТОЙ ЧАСТИ ДВОРЦА?
Я ХОЧУ ЕСТЬ.
Была зима, когда свежая еда — всё равно что мечта о тепле и солнечном свете, но с балок моих покоев свисали связки яблок, очищенных от сердцевины и высушенных.

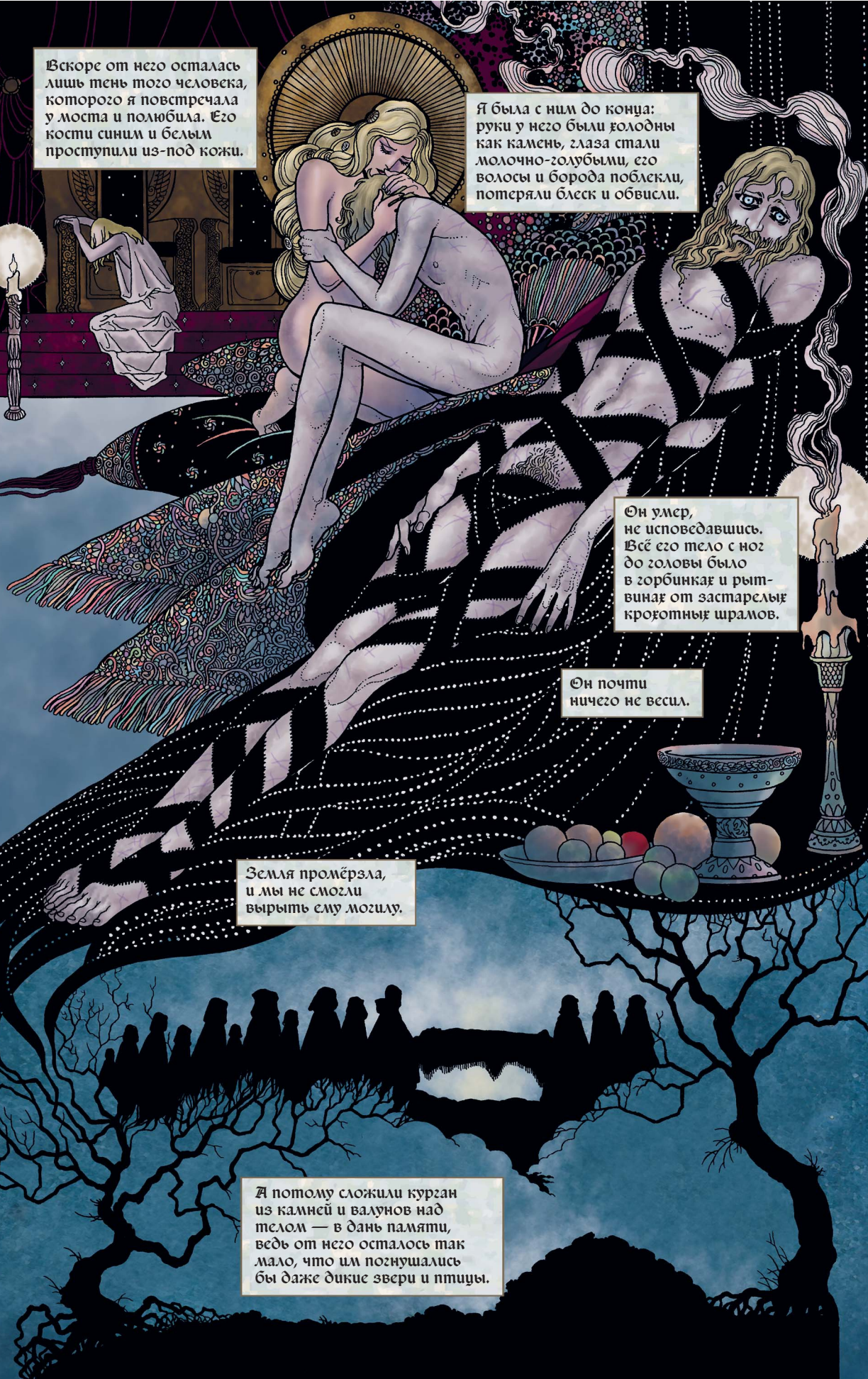
Я сняла одно и протянула ей.
ВОЗЬМИ.
Осень – пора высушивания и заготовок, время сбора яблок и вытапливания гусиного жира.
Зима – время голода, снега и смерти. А ещё – это время праздника середины зимы, когда мы натираем гусиным жиром целого поросенка, фаршированного осенними яблоками.
Потом мы жарим его в очаге или на костре и лакомимся хрустящей корочкой.
Она взяла у меня сушеное яблоко...
...и стала кусать его острыми желтыми зубами.
ВКУСНО?


Она кивнула.
Я всегда боялась маленькой принцессы, но в то мгновение сердце у меня растаяло, и –
– кончиками пальцев я ласково коснулась её щеки.
Она посмотрела на меня и улыбнулась – она так редко улыбалась, –
– потом вонзила зубы в основание моего большого пальца, в холмик Венеры, так что выступила кровь.


От боли и удивления я закричала.
Но она взглянула на меня, и я умолкла.
А маленькая принцесса прильнула губами к моей руке и стала лизать, сосать и пить.
Напившись, она ушла из моих покоев.
У меня на глазах ранка начала затягиваться, рубцеваться, исцеляться.

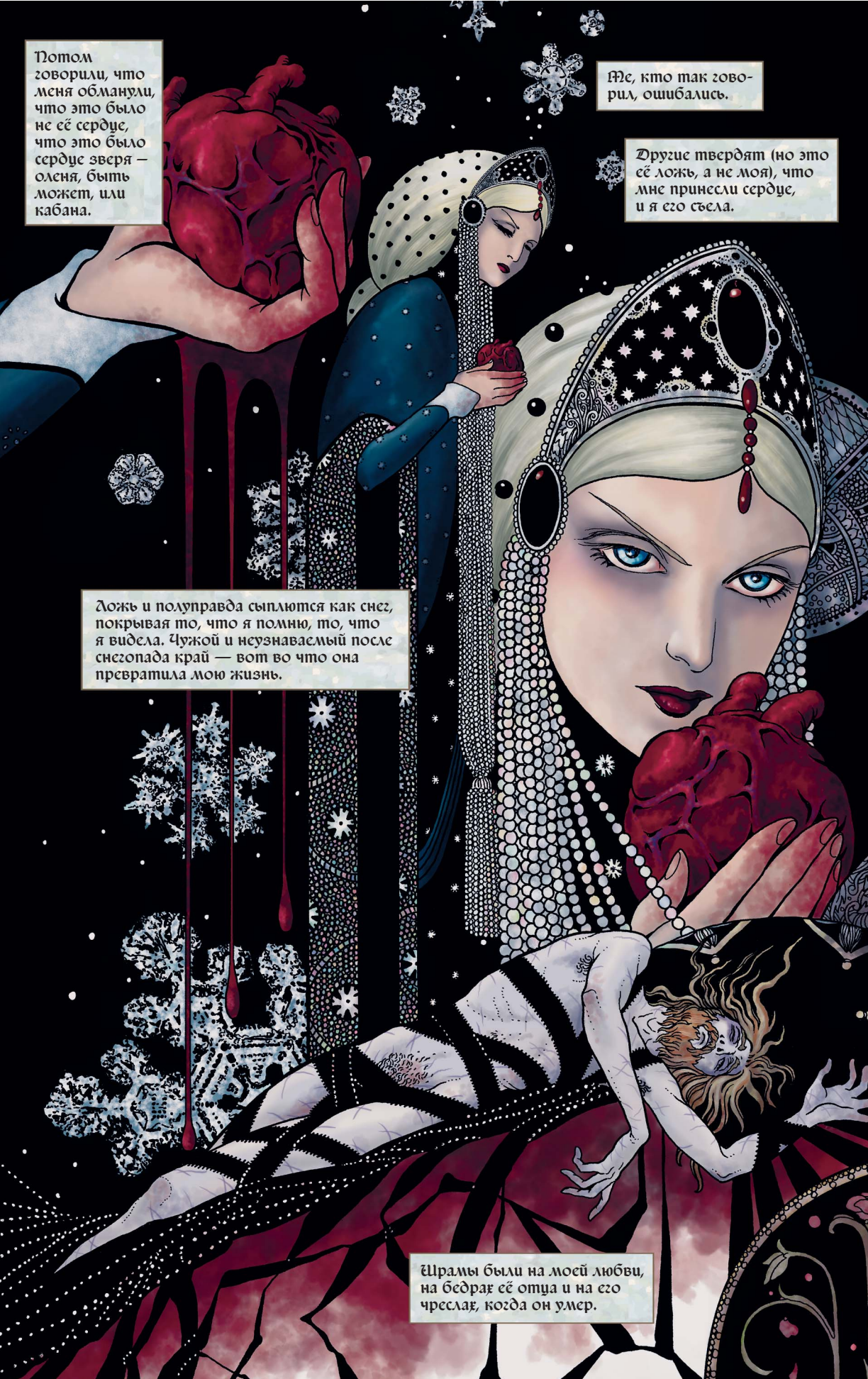

На следующий день остался только старый шрам, будто в детстве я порезалась карманным ножом.
Она заморозила меня, завладела мной, подчинила себе. Это напугало меня больше, чем то, что она напиталась моей кровью.
После той ночи я на закате стала запирать свою дверь, закладывать в скобы оструганный ствол молодого дубка —
— и приказала кузнецу выковать железные решётки, которые он поставил мне на окна.
Мой супруг, моя любовь, мой король посылал за мной всё реже и реже...

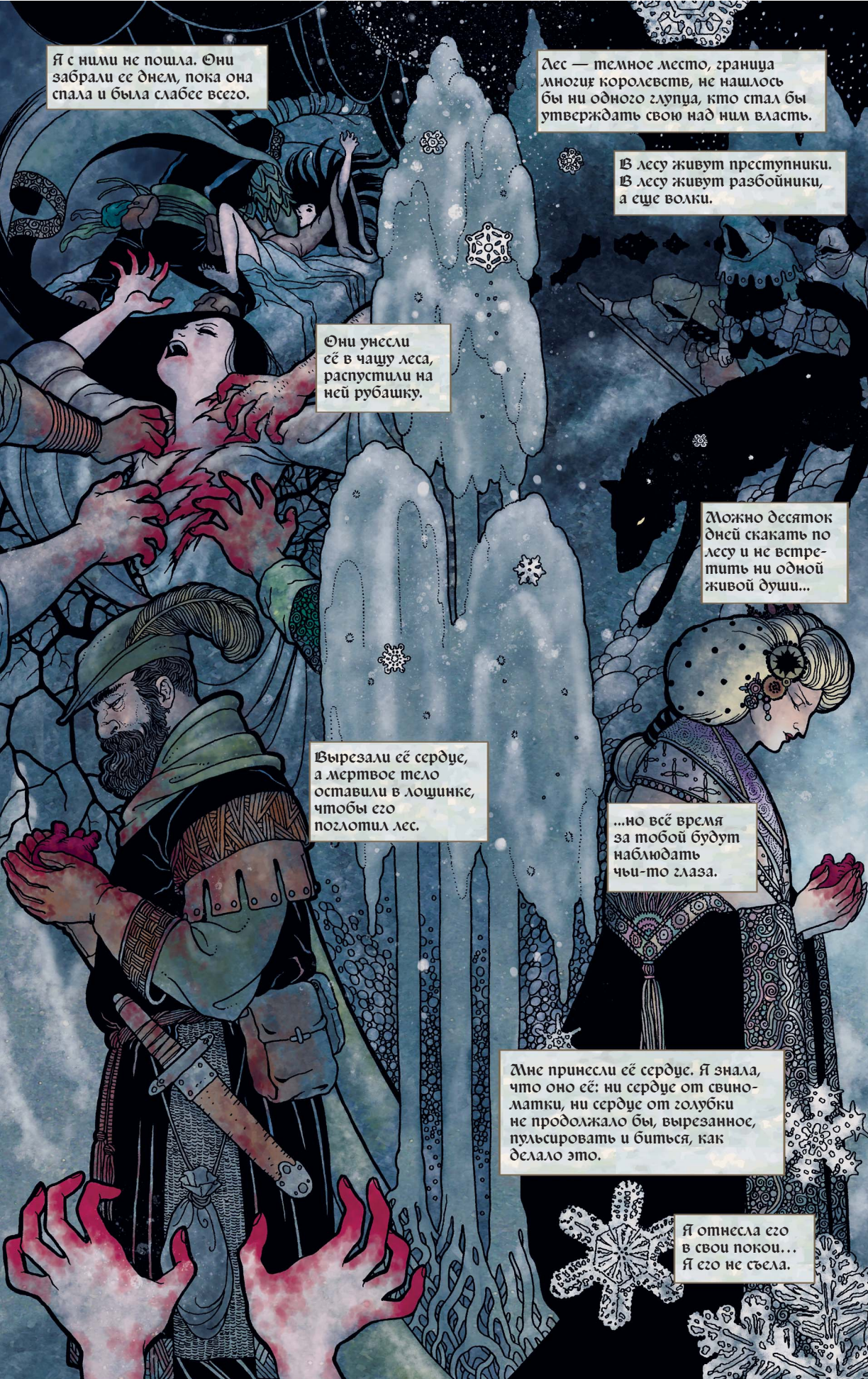

...а когда я приходила к нему, он был точно одурманен, беспокоен, растерян.
Он больше не мог удовлетворить женщину, как пристало мужчине, — и не позволял мне ублажить его ртом.
В тот единственный раз, когда я попыталась, он дернулся и заплакал.
Я отняла губы и крепко его обняла, и укачивала, пока рыдания не стихли и он не уснул как дитя.
Пока он спал, я провела пальцами по его коже — вся она была ребристой от множества старых шрамов.
Но по первым дням нашей любви я помнила только один — на боку, где в юности его ранил вепрь.


Вскоре от него осталась лишь тень того человека, которого я повстречала у моста и полюбила. Его кости синим и белым проступили из-под кожи.
Я была с ним до конца: руки у него были холодны как камень, глаза стали молочно-голубыми, его волосы и борода поблекли, потеряли блеск и обвисли.
Он умер, не исповедавшись. Всё его тело с ног до головы было в горбинках и рытвинах от застарелых крохотных шрамов.
Он почти ничего не весил.
Земля промёрзла, и мы не смогли вырыть ему могилу.
А потому сложили курган из камней и валунов над телом — в дань памяти, ведь от него осталось так мало, что им погнушались бы даже дикие звери и птицы.

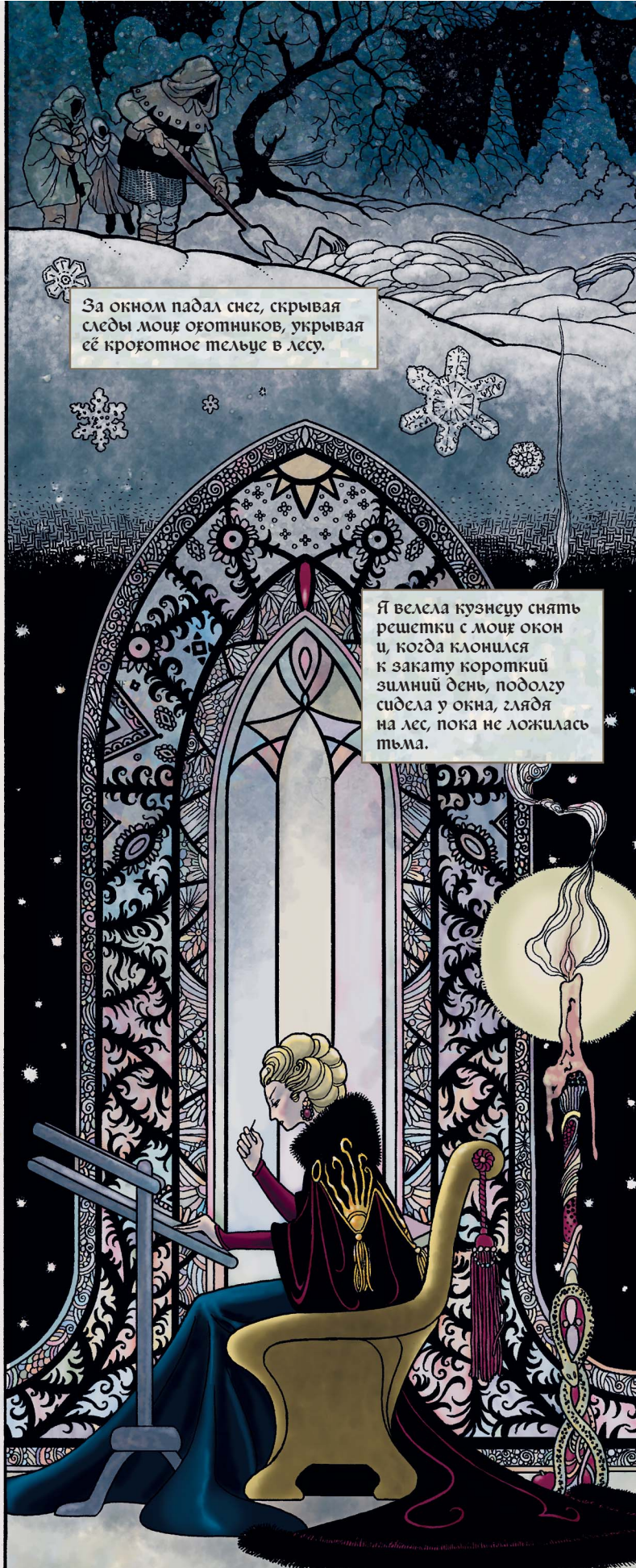
А я стала королевой.
Я была глупа и молода.
Восемнадцать вёсен пришли и ушли с тех пор, как я впервые увидела свет дня.
И я не сделала того, что сделала бы сейчас.

Верно, я и сегодня приказала бы вырезать ей сердце.
А еще приказала бы отрубить ей голову, руки и ноги. Я велела бы её расчленить.
А потом смотрела бы на городской площади, как палач добела раздувает мехами огонь, бесстрастно наблюдала бы, как он бросает в костер куски разрубленного тела.
Вокруг площади я поставила бы лучников, которые подстрелили бы любую птицу или зверя, который посмел бы приблизиться к пламени, будь то ворон или собака, ястреб или крыса.
И не сомкнула бы глаз до тех пор, пока принцесса не превратилась бы в пепел и мягкий ветерок не развеял бы её, как снег.
Но я этого не сделала, а за ошибки приходится платить.


Потом говорили, что меня обманули, что это было не её сердце, что это было сердце зверя — оленя, быть может, или кабана.
Те, кто так говорил, ошибались.
Другие твердят (но это её ложь, а не моя), что мне принесли сердце, и я его съела.
Ложь и полуправда сыплются как снег, покрывая то, что я помню, то, что я видела. Чужой и неузнаваемый после снегопада край — вот во что она превратила мою жизнь.
Шрамы были на моей любви, на бедрах её отца и на его чреслах, когда он умер.

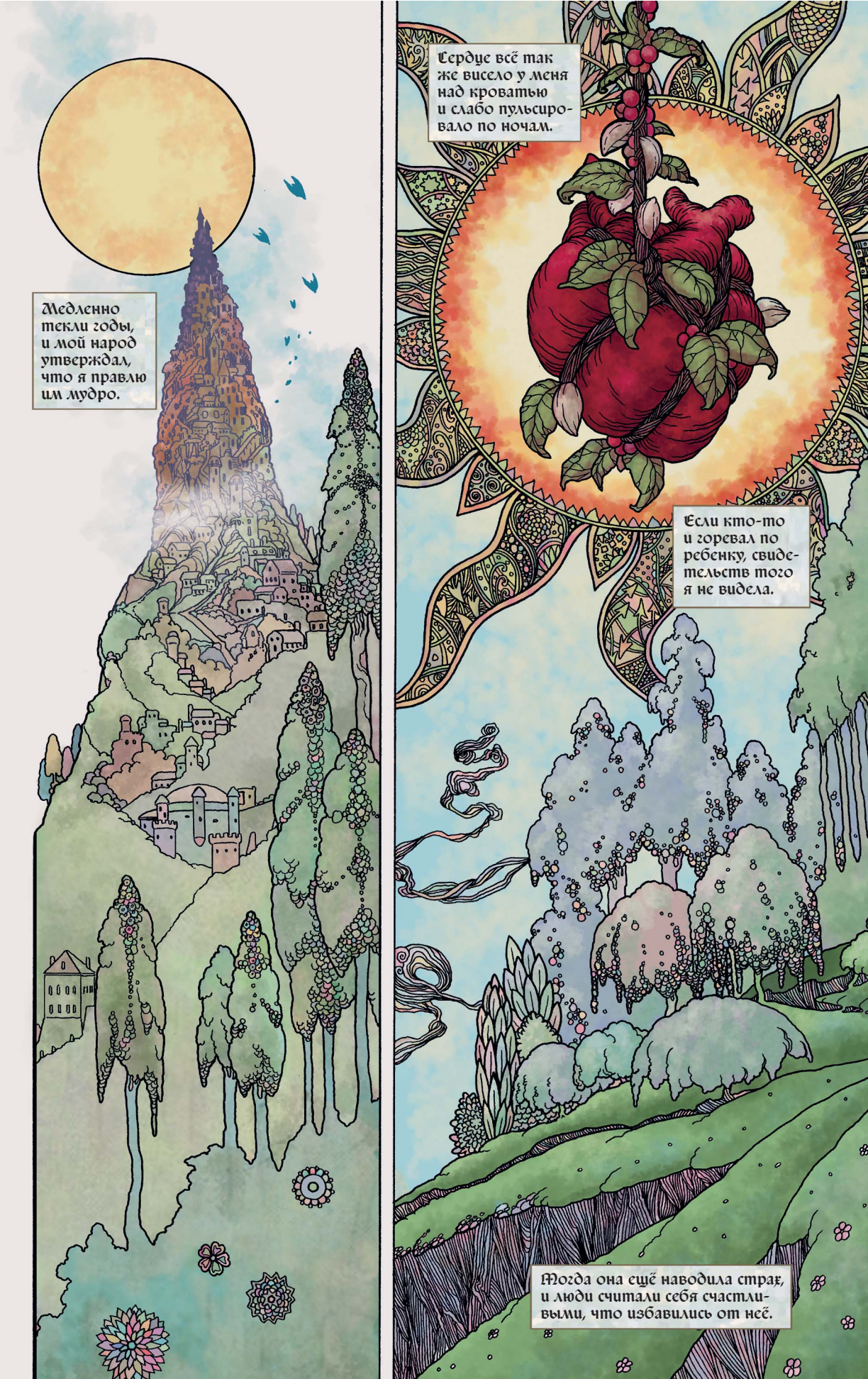

Я с ними не пошла. Они забрали ее днем, пока она спала и была слабее всего.
Лес — темное место, граница многих королевств, не нашлось бы ни одного глупца, кто стал бы утверждать свою над ним власть.
В лесу живут преступники. В лесу живут разбойники, а еще волки.
Они унесли её в чащу леса, распустили на ней рубашку.
Можно десяток дней скакать по лесу и не встретить ни одной живой души...
Вырезали её сердце, а мертвое тело оставили в лощинке, чтобы его поглотил лес.
...но всё время за тобой будут наблюдать чьи-то глаза.
Мне принесли её сердце. Я знала, что оно её: ни сердце от свиноматки, ни сердце от голубки не продолжало бы, вырезанное, пульсировать и биться, как делало это.
Я отнесла его в свои покои… Я его не съела.

Я подвесила его на балке над моей кроватью, подвесила на нитке, на которую нанизала головки чеснока и ягоды рябины, оранжево-красные, как грудка малиновки.


За окном падал снег, скрывая следы моих охотников, укрывая её крохотное тельце в лесу.
Я велела кузнецу снять решетки с моих окон и, когда клонился к закату короткий зимний день, подолгу сидела у окна, глядя на лес, пока не ложилась тьма.

В лесу, как я уже говорила, жили люди.
Иногда они выходили из чащи на Весеннюю ярмарку — жадные дикие, опасные люди.
Одни были уродами и калеками, жалкими карликами и горбунами, у других были огромные зубы и пустые глаза идиотов, у третьих — пальцы с перепонками, как у лягушки, или руки, как клешни у рака.
Каждый год они выползали из леса на Весеннюю ярмарку, которую устраивали, когда сходил снег.
В юности я работала на ярмарке, и лесной люд уже тогда меня пугал.
Я предсказывала людям судьбу, высматривая её в стоячей воде…
...а после, когда стала старше, в круге полированного стекла, обратная сторона которого была посеребренной, — его мне подарил один купец, чью потерявшуюся лошадь я углядела в луже разлитых чернил.

И торговцы на ярмарке тоже боялись лесных людей.
Они гвоздями прибивали свои товары к голым доскам козел — огромными железными гвоздями прибивали к дереву пряники и кожаные ремни.
Если их не прибить, говорили они, лесные люди сватят их и убегут, жуя на бегу украденные пряники, размахивая над головой ворованными ремнями.
Но у лесного люда были деньги: монетка тут, монетка там, иногда испачканные зеленью или землей, и лица на монетах были незнакомы даже самым старым среди нас.
Ещё у них были вещи на обмен, и потому ярмарка процветала, служа изгоям и карликам, служа разбойникам (если они были осмотрительны), которые охотились на редких путников из лежащих за лесом стран, на цыган или на оленей.
В глазах закона это было разбоем. Олени принадлежали королеве.


Медленно текли годы, и мой народ утверждал, что я правлю им мудро.
Сердце всё так же висело у меня над кроватью и слабо пульсировало по ночам.
Если кто-то и горевал по ребенку, свидетельств того я не видела.
Когда она ещё наводила страх, и люди считали себя счастливыми, что избавились от неё.

Одна Весенняя ярмарка следовала за другой.
Всего пять, и каждая следующая была унылее, беднее, скуднее предыдущей. Все меньше лесных людей приходило покупать наши товары.
А те, кто приходил, казались подавленными и беспокойными. Торговцы перестали прибивать к козлам свой товар.
На пятый год из лесу вышла лишь горсть людей — дюжина сбившихся от страха в кучку волосатых карликов. И никого больше.
Когда торги закончились, ко мне пришли распорядитель ярмарки и его паж. Первого я немного знала до того, как стала королевой.
Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ НЕ КАК К МОЕЙ КОРОЛЕВЕ.
Я молчала. И слушала.

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ ПОТОМУ, ЧТО ТЫ МУДРА.
РЕБЁНКОМ, ЛИШЬ ПОСМОТРЕВ В ЛУЖУ ЧЕРНИЛ, ТЫ НАШЛА ЗАБЛУДИВШЕГОСЯ ЖЕРЕБЁНКА.
ДЕВУШКОЙ, ЛИШЬ ПОСМОТРЕВ В СВОЁ ЗЕРКАЛО, ТЫ НАШЛА ПОТЕРЯВШЕГОСЯ МЛАДЕНЦА, КОТОРЫЙ ДАЛЕКО УШЁЛ ОТ СВОЕЙ МАТЕРИ.
ТЕБЕ ВЕДОМЫ ТАЙНЫ, И ТЫ СМОЖЕШЬ ОТЫСКАТЬ СКРЫТОЕ.
ЧТО ПОЖИРАЕТ ЛЕСНОЙ ЛЮД, МОЯ КОРОЛЕВА?
В БУДУЩЕМ ГОДУ ВЕСЕННЕЙ ЯРМАРКИ НЕ БУДЕТ ВОВСЕ. ПУТНИКИ ИЗ ДРУГИХ КОРОЛЕВСТВ СТАЛИ РЕДКИ, ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ ПОЧТИ ИСЧЕЗЛИ.
ЕЩЁ ОДИН ТАКОЙ ГОД, И МЫ ВСЕ УМРЁМ С ГОЛОДУ.
Я приказала служанке принести мне зеркало.
Это была немудреная вещица, посеребренный сзади стеклянный диск, который я ѣранила завёрнутым в шкуру оленёнка в сундуке у себя в покояѫ.
Мне его принесли, и я в него заглянула.

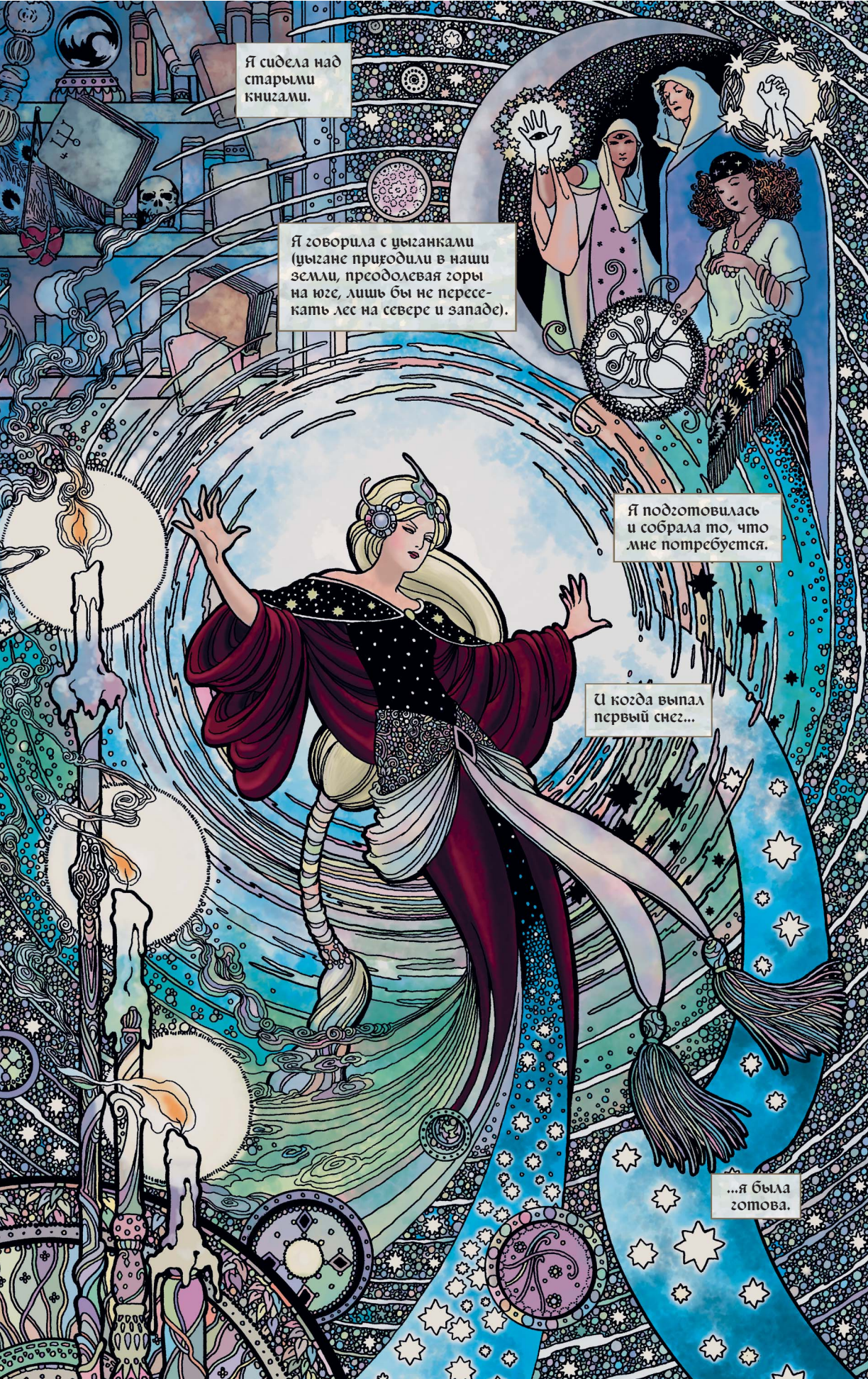
Она была уже не малое дитя.
Кожа у неё всё ещё бледная, глаза и волосы — угольно-чёрные, губы — кроваво-красные.
На ней была одежда, в которой она в последний раз покинула дворец, — рубаха и юбка, но теперь они были ей малы и многократно заштопаны.
Поверх них она носила кожаный плащ, а вместо башмаков на крохотных ножках — два кожаных мешка, подвязанных шнурками.
Она стояла в лесу за деревом.
Перед моим мысленным взором она начала красться и перебегать на четвереньках от дерева к дереву, будто зверь – летучая мышь или волк.
Она за кем-то следила.

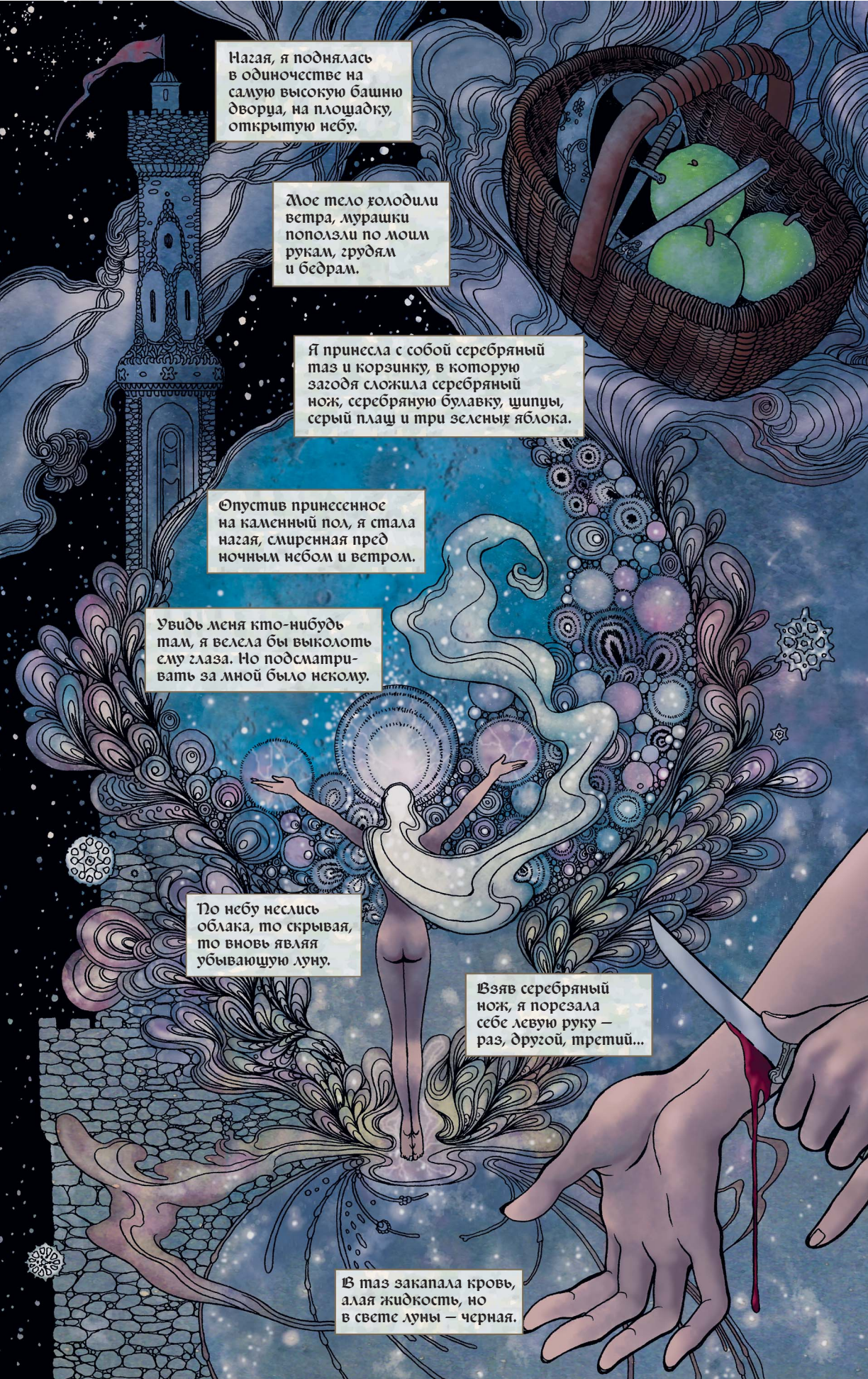
Это был монах. Одет он был в рогожу, его ноги были босы, а ступни покрыты шрамами.
Волосы на лице и на месте тонзуры давно уже отросли.
Она следила за ним из-за деревьев.
Наконец он остановился на ночлег и стал разводить костёр —
— сложил ветки, а на растопку разломал гнездо малиновки.
В гнезде, которое он нашел, было два яйца —
— их он съел сырыми. Скудный, наверное, ужин для такого дюжего мужчины.

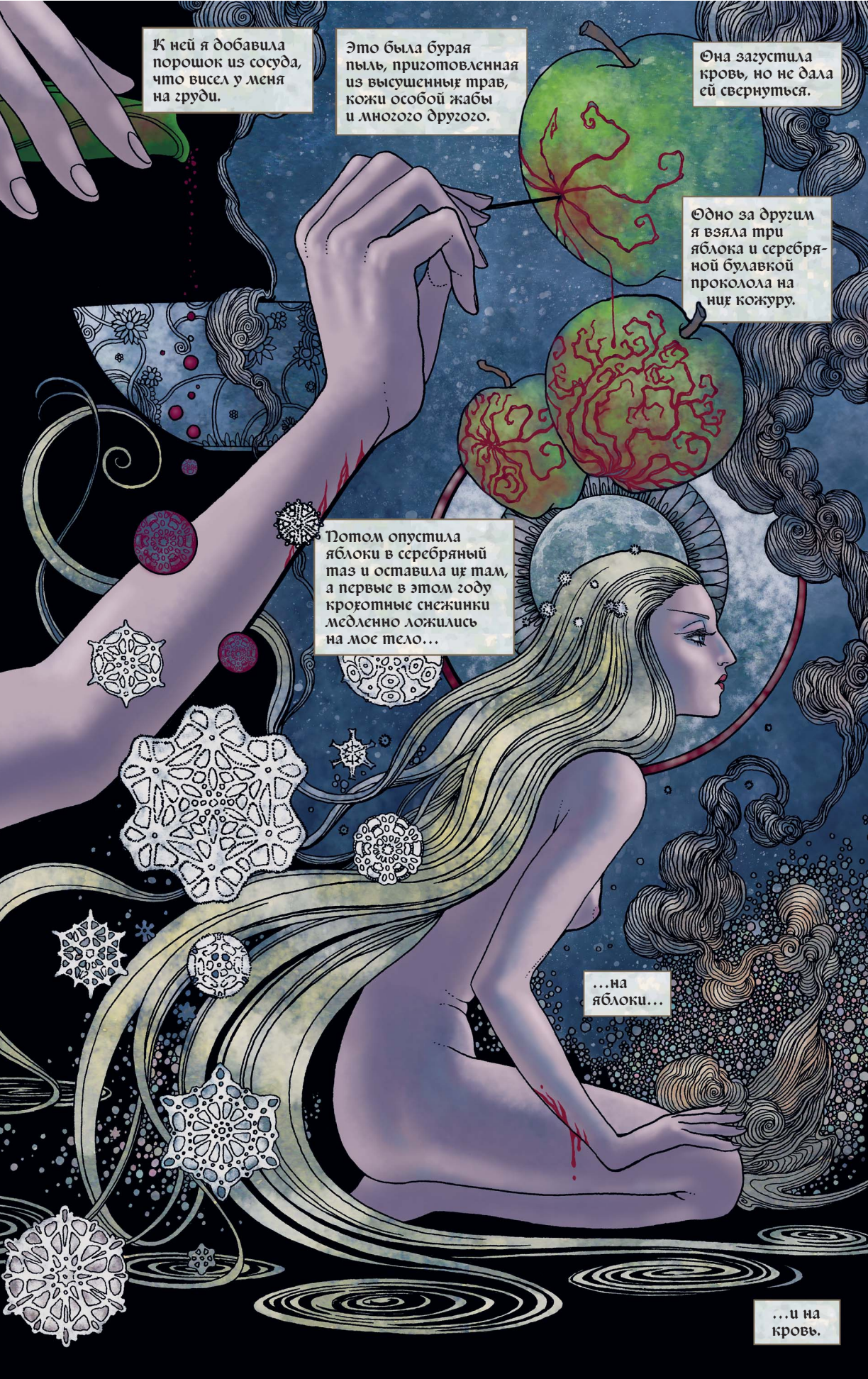
И пока он грелся у костра, она вышла из укрытия.
Приникнув к земле по ту сторону пламени, она глядела на него в упор.
Он улыбнулся, будто давно не видел другой живой души, и поманил её к себе.
Встав, она обошла костёр, но выжидающе остановилась на расстоянии вытянутой руки.
Он порылся в складках рясы и нашел маленькое медное пенни, которое бросил ей.
Поймав пенни, она кивнула и подошла к нему ближе.
Он потянул за служившую ему поясом веревку, и его сутана распахнулась. Тело у него было волосатое, как у зверя.
Она толкнула его на мох. Одна рука, точно паук, поползла по волосам, пока не сжалась на его стволе.
Другая выводила круги вокруг левого соска.
Закрыв глаза, он запустил огромную лапу ей под юбку.

Она же приникла губами к соску, который теребила. Её кожа казалась такой белой на фоне его мокнатого, бурого тела.
Она глубоко вонзила зубы ему в грудь.
Его глаза распахнулись, потом закрылись снова, а она стала пить.
Она оседлала его, но питаться не перестала.
И пока она кормилась, между её ног начала сочиться и стекать прозрачная черноватая жидкость.

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО НЕ ПУСКАЕТ ПУТНИКОВ В НАШ ГОРОД? ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЛЕСНЫМ ЛЮДОМ?
Я прикрыла зеркало оленьей кожей и сказала ему, что сама позабочусь о том, чтобы лес снова стал для всех безопасен.
Она наводила на меня страх, но что мне оставалось?
Я была королевой.
Неразумная женщина пошла бы в лес и попыталась бы поймать тварь, но один раз я уже была неразумна и не желала повторять свою ошибку.

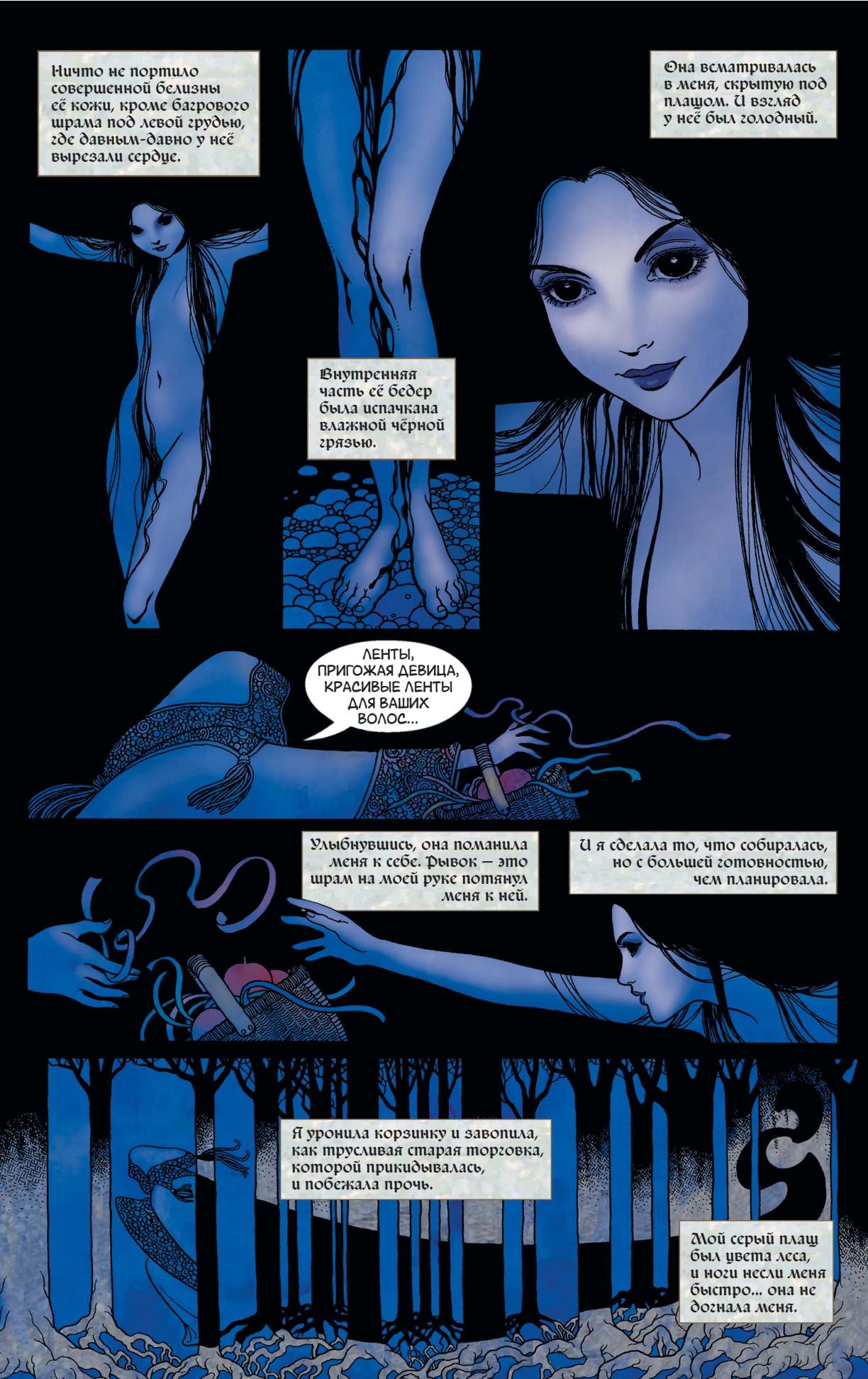

Я сидела над старыми книгами.
Я говорила с цыганками (цыгане приходили в наши земли, преодолевая горы на юге, лишь бы не пересекать лес на севере и западе).
Я подготовилась и собрала то, что мне потребуется.
И когда выпал первый снег...
...я была готова.


Нагая, я поднялась в одиночестве на самую высокую башню дворца, на площадку, открытую небу.
Мое тело холодили ветра, мурашки поползли по моим рукам, грудям и бедрам.
Я принесла с собой серебряный таз и корзинку, в которую загодя сложила серебряный нож, серебряную булавку, щипцы, серый плащ и три зеленых яблока.
Опустив принесенное на каменный пол, я стала нагая, смиренная пред ночным небом и ветром.
Увидь меня кто-нибудь там, я велела бы выколоть ему глаза. Но подсматривать за мной было некому.
По небу неслись облака, то скрывая, то вновь являя убывающую луну.
Взяв серебряный нож, я порезала себе левую руку — раз, другой, третий...
В таз закапала кровь, алая жидкость, но в свете луны — черная.

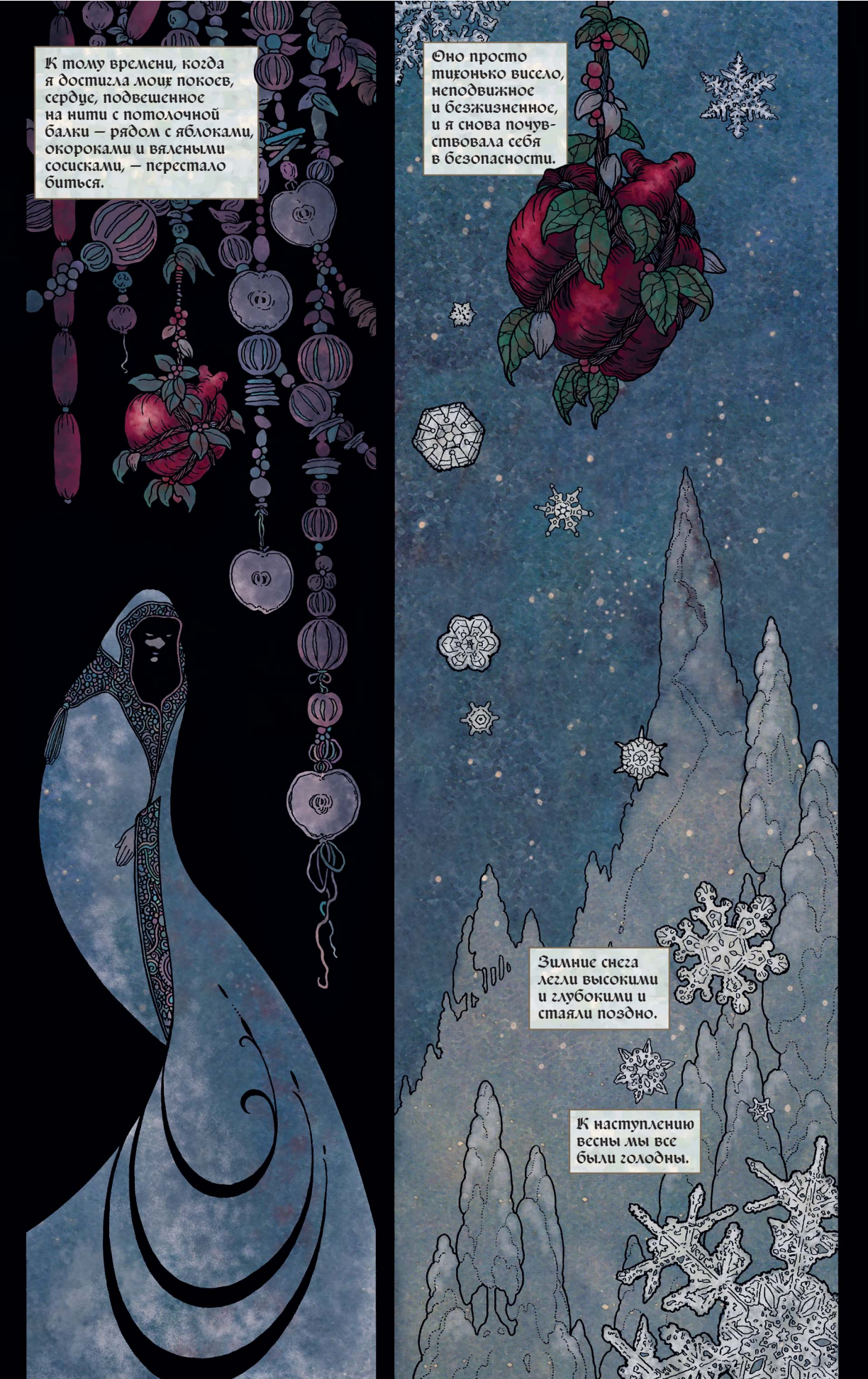

К ней я добавила порошок из сосуда, что висел у меня на груди.
Это была бурая пыль, приготовленная из высушенных трав, кожи особой жабы и многого другого.
Она загустила кровь, но не дала ей свернуться.
Одно за другим я взяла три яблока и серебряной булавкой проколола на них кожуру.
Потом опустила яблоки в серебряный таз и оставила их там, а первые в этом году крохотные снежинки медленно ложились на мое тело…
…на яблоки…
…и на кровь.

Когда заря окрасила небо, я укуталась в серый плащ и достала из серебряного таза красные яблоки.
Я брала их серебряными щипцами, стараясь не коснуться, и положила в корзинку. На дне серебряного таза не осталось ни моей крови, ни бурой пыли, только зеленовато-черный осадок, похожий на ярь-медянку.
Таз я закопала в землю.
Потом навела на яблоки чары…
…(как когда-то, много лет назад, у моста наложила чары красоты на себя саму)…
…чтобы они стали самыми чудесными яблоками на всем белом свете, и алые сполохи на их кожуре приобрели теплый цвет свежей крови.
Надвинув на лицо капюшон, я взяла с собой цветные ленты и украшения для волос, которыми прикрыла яблоки в камышовой корзинке.
И одна пошла в лес, пока не пришла к её жилищу – высокому утесу из песчаника, испещренному глубокими норами, которые уводили в темные недра.
Вокруг утеса росли деревья и высились валуны, и я незаметно переходила от дерева к дереву, от валуна к валуну, не потревожив ни веточки, ни упавшего листа.

Наконец я отыскала себе укрытие и стала ждать — и наблюдать.
Несколько часов спустя из одной норы выбрался выводок карликов — уродливых и искривленных волосатых человечков, прежних обитателей этой земли.
Теперь их редко встретишь.
Они скрылись в лесу и меня не заметили, хотя один остановился помочиться на валун, за которым я укрывалась.
Я ждала. Больше никто не появился.
Подойдя к норе, я позвала надтреснутым старушечьим голосом.
Шрам на моей руке запульсировал, когда она вышла ко мне из темноты, одна и нагая.


Ничто не портило совершенной белизны её кожи, кроме багрового шрама под левой грудью, где давным-давно у неё вырезали сердце.
Внутренняя часть её бедер была испачкана влажной чёрной грязью.
Она всматривалась в меня, скрытую под плащом. И взгляд у неё был голодный.
ЛЕНТЫ, ПРИГОЖАЯ ДЕВИЦА, КРАСИВЫЕ ЛЕНТЫ ДЛЯ ВАШИХ ВОЛОС...
Улыбнувшись, она поманила меня к себе. Рывок — это шрам на моей руке потянул меня к ней.
И я сделала то, что собиралась, но с большей готовностью, чем планировала.
Я уронила корзинку и завопила, как трусливая старая торговка, которой прикидывалась, и побежала прочь.
Мой серый плащ был цвета леса, и ноги несли меня быстро... она не догнала меня.

Я вернулась во дворец.
Дальнейшего я не видела.
Но давайте представим себе, как разочарованная и голодная девушка возвращается в свою нору и находит на земле брошенную корзинку.
Что она сделала?
Мне хочется думать, что сперва она поиграла с лентами, вплела их в волосы цвета воронова крыла, обернула вокруг бледной шейки или тоненькой талии.
А потом из любопытства отодвинула тряпицу посмотреть, что еще есть в корзинке...
...и увидела красные-красные яблоки.
Разумеется, они благоухали свежими яблоками, но еще от них пахло кровью.
А она была голодна.
Представляю себе, как она берёт яблоко, прижимает его к щеке, кожей ощущая его холодную гладкость.
И она открыла рот и глубоко вонзила в него зубы...


К тому времени, когда я достигла моих покоев, сердце, подвешенное на нити с потолочной балки — рядом с яблоками, окороками и вялеными сосисками, — перестало биться.
Оно просто тихонько висело, неподвижное и безжизненное, и я снова почувствовала себя в безопасности.
Зимние снега легли высокими и глубокими и стаяли поздно.
К наступлению весны мы все были голодны.

В тот год Весенняя ярмарка немного ожила.
Лесной люд был немногочислен, но пришел, а ещё прибыли путники из земель за лесом.

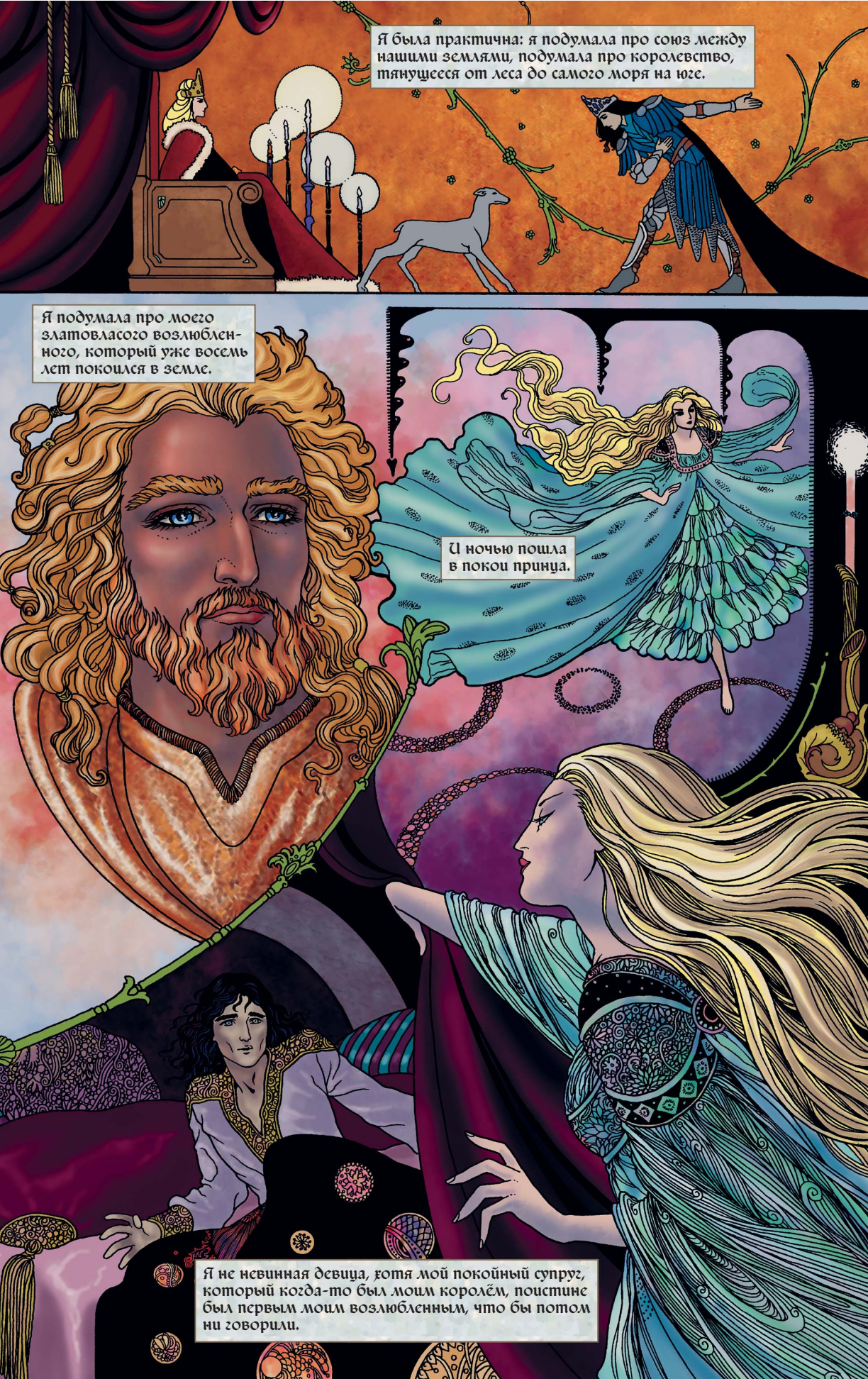
Я видела, как волосатые человечки из пещеры в утесе торговались за куски стекла, обломки кристаллов и кварца.

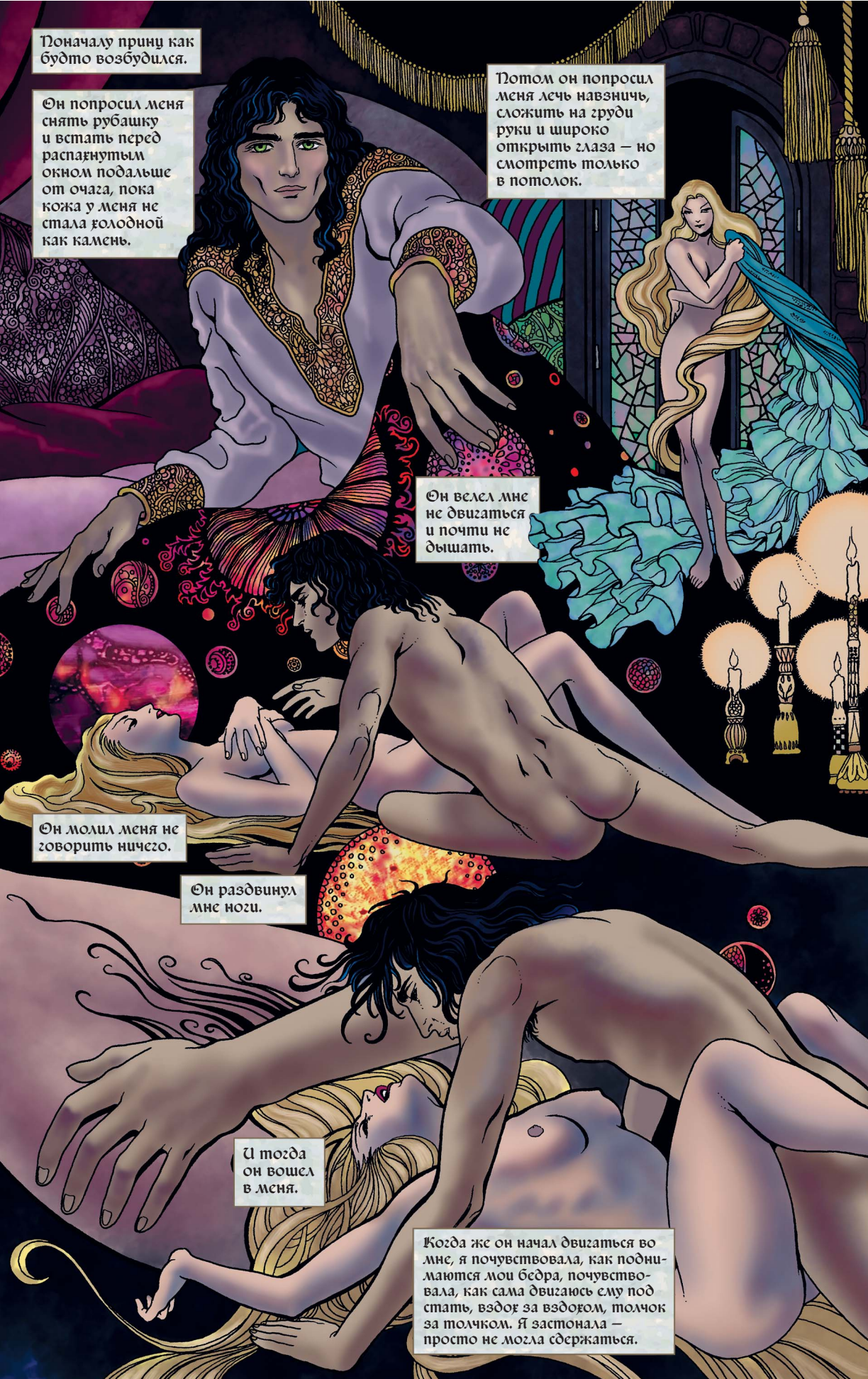
За стекло они заплатили серебряными монетами — добычей, принесенной с ночной охоты моей падчерицей, в этом у меня не было сомнений.
Когда прошел слух, что именно они покупают, горожане побежали по домам и вернулись со своими амулетами из кристаллов, а несколько человек принесли даже оконные стекла.

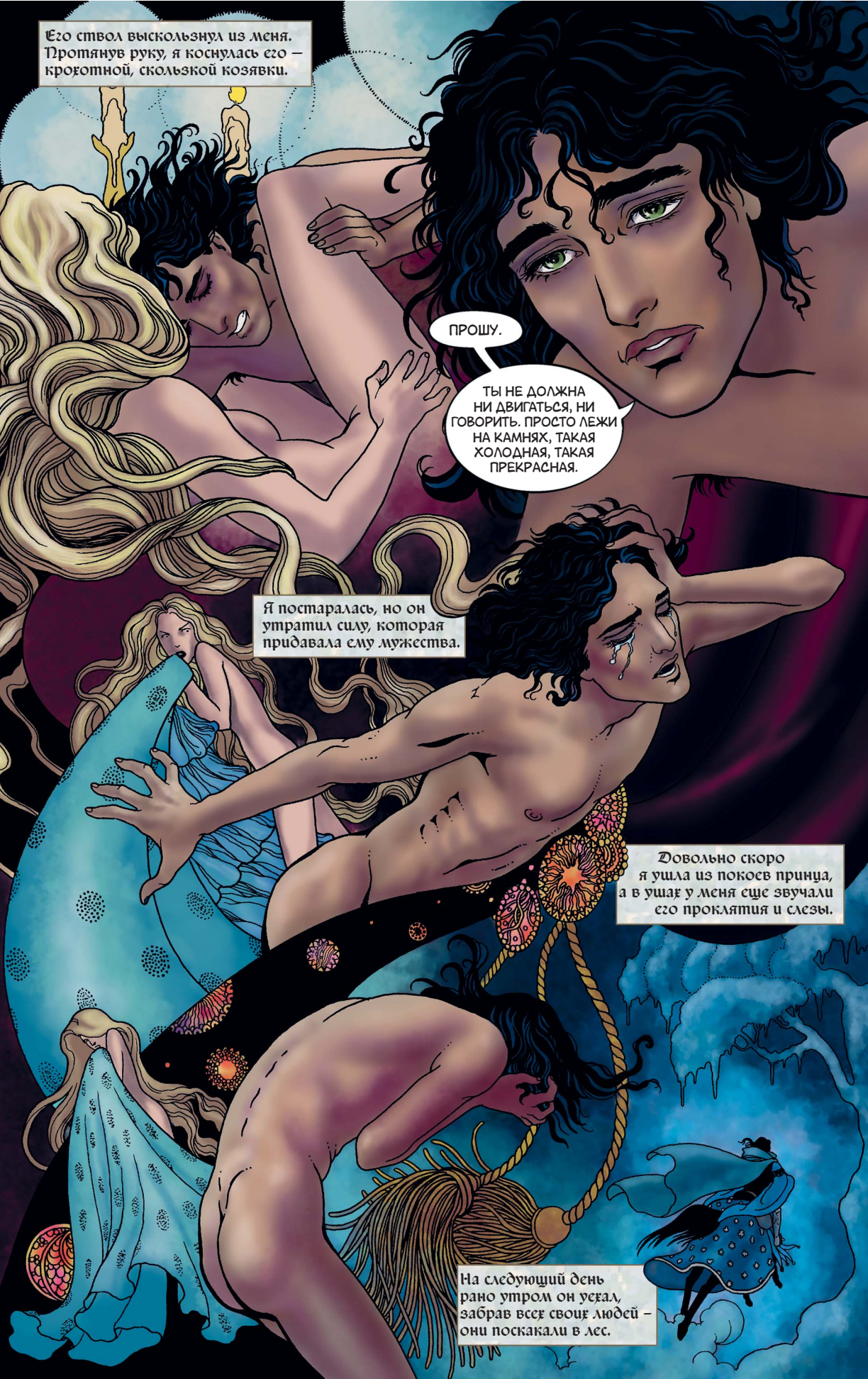
Я было подумала, не приказать ли убить волосатых человечков, но не сделала этого.

Пока с балки в моих покоях сердце свисало неподвижное и холодное, мне ничто не грозило, и лесному люду тоже, а значит — и жителям города.

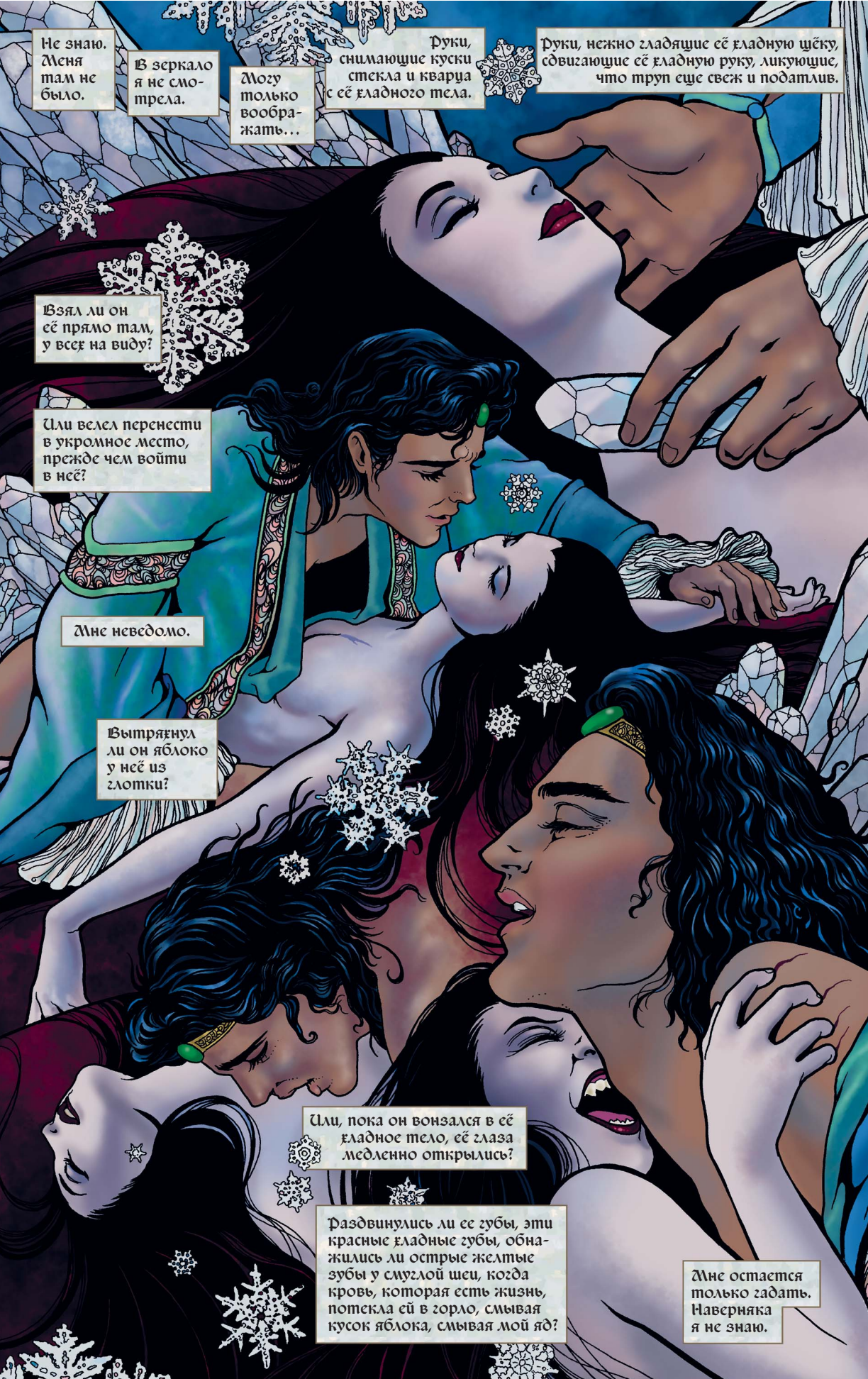
Наступило моё двадцать пятое лето, моя падчерица съела отравленные плоды две зимы назад, когда в мой дворец пришел принц.
Он был высоким, очень высоким, с холодными зелёными глазами и смуглой кожей тех, кто живёт за горами.
Он приехал со свитой, достаточно большой, чтобы его защитить, достаточно маленькой, чтобы другой правитель — я, например, — не счел ее возможной себе угрозой.

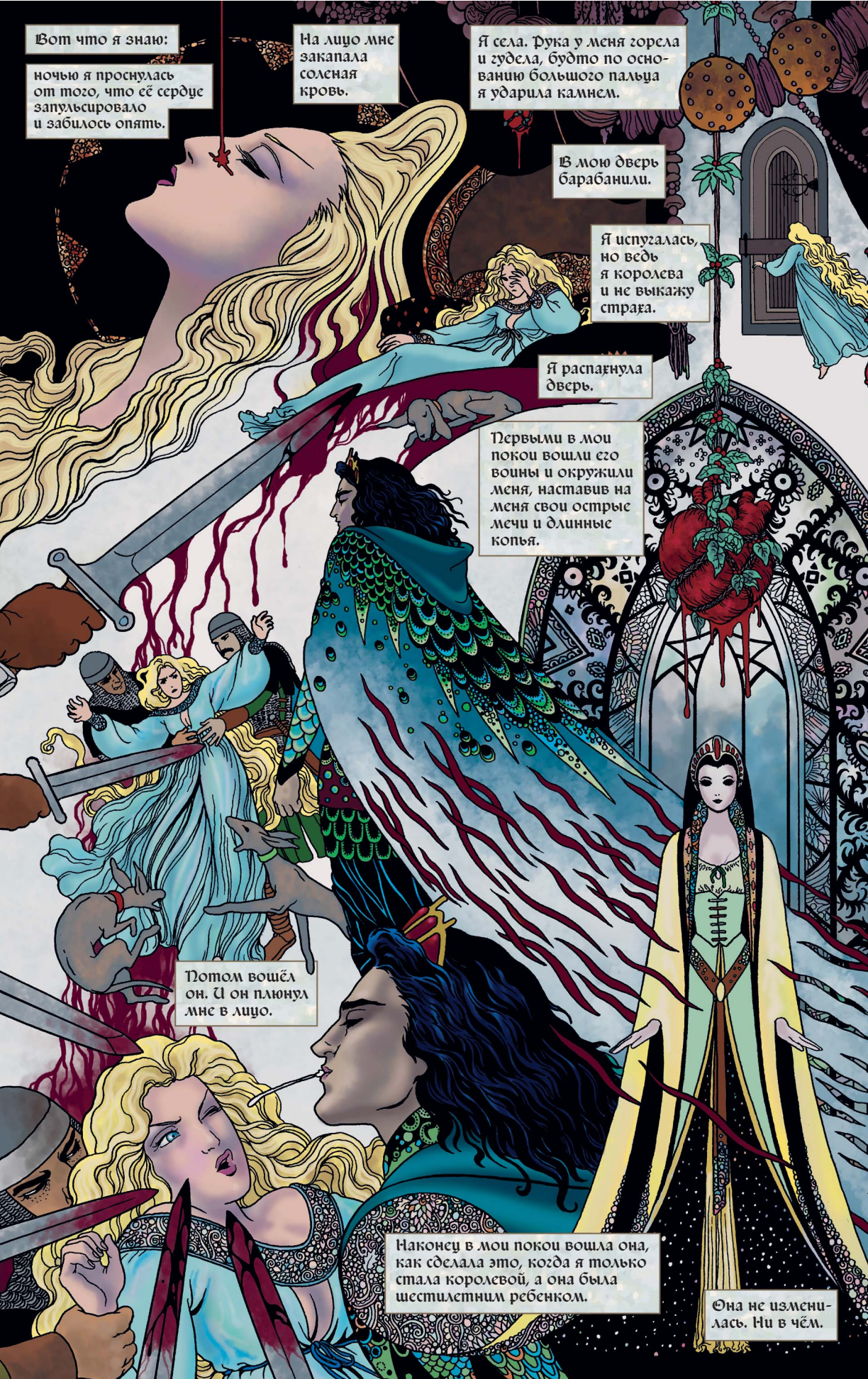

Я была практична: я подумала про союз между нашими землями, подумала про королевство, тянущееся от леса до самого моря на юге.
Я подумала про моего златовласого возлюбленного, который уже восемь лет покоился в земле.
И ночью пошла в покои принца.
Я не невинная девица, хотя мой покойный супруг, который когда-то был моим королём, поистине был первым моим возлюбленным, что бы потом ни говорили.

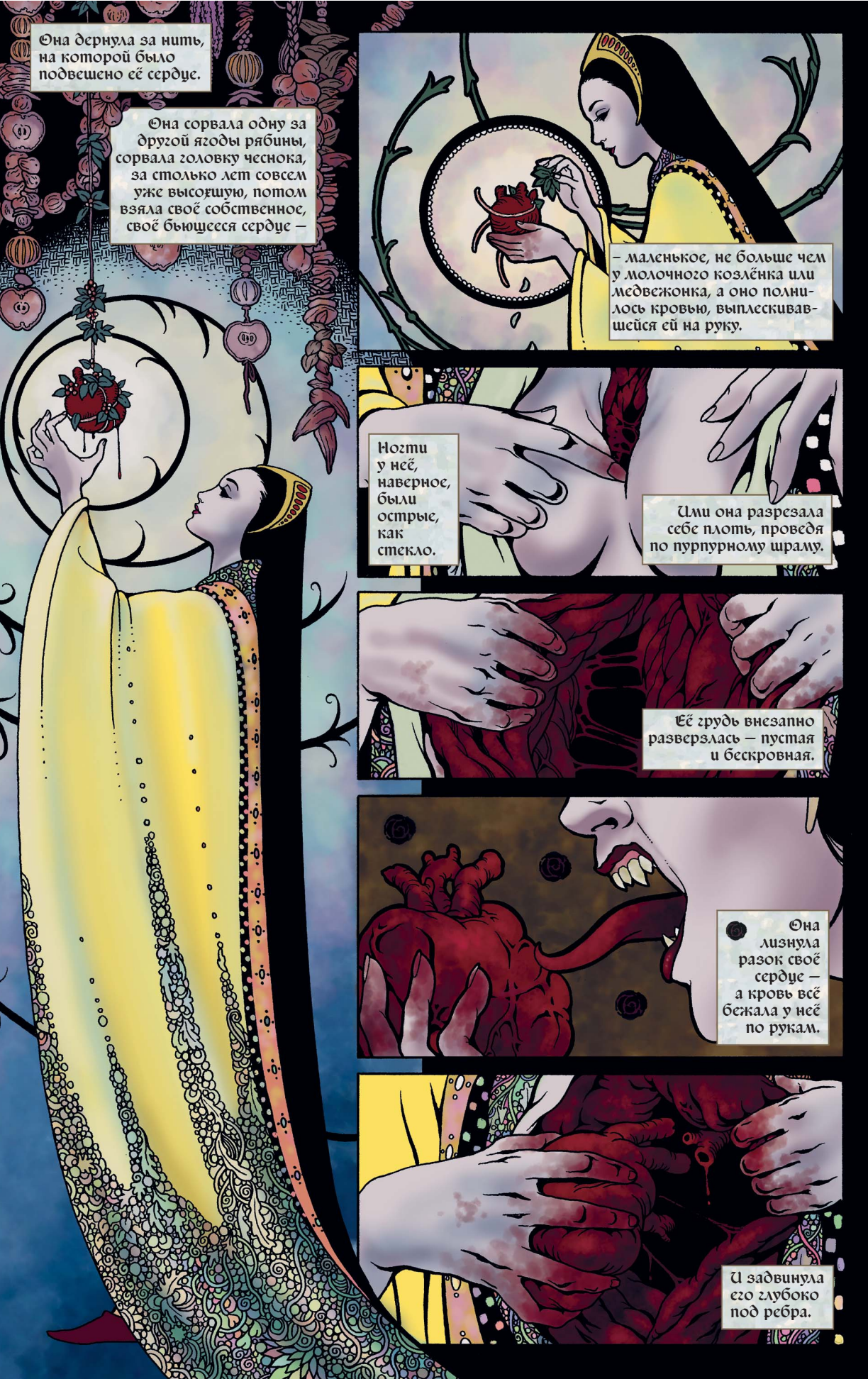

Поначалу принц как будто возбудился.
Он попросил меня снять рубашку и встать перед распахнутым окном подальше от очага, пока кожа у меня не стала холодной как камень.
Потом он попросил меня лечь навзничь, сложить на груди руки и широко открыть глаза — но смотреть только в потолок.
Он велел мне не двигаться и почти не дышать.
Он молил меня не говорить ничего.
Он раздвинул мне ноги.
И тогда он вошел в меня.
Когда же он начал двигаться во мне, я почувствовала, как поднимаются мои бедра, почувствовала, как сама двигаюсь ему под стать, вздох за вздохом, толчок за толчком. Я застонала — просто не могла сдержаться.

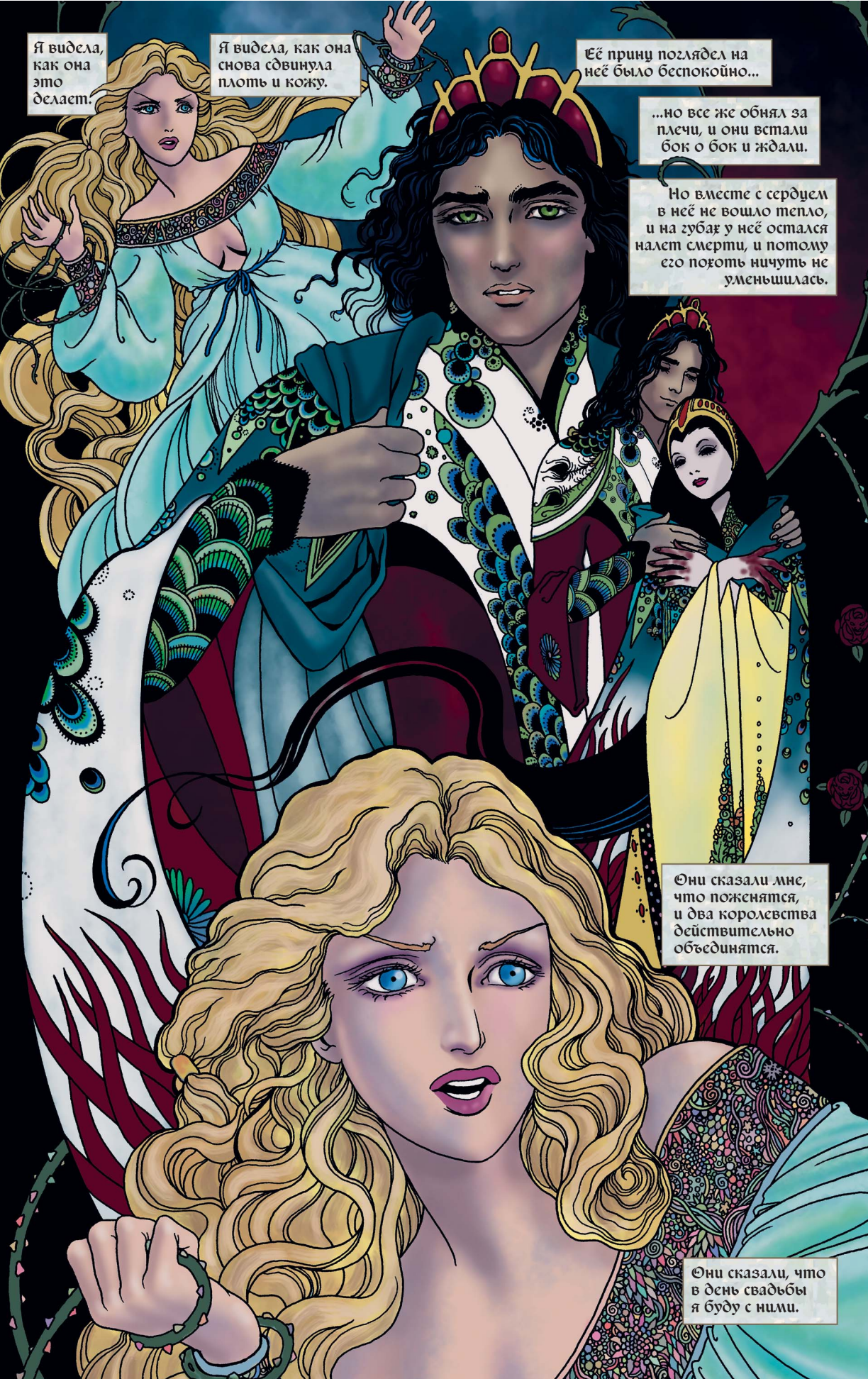

Его ствол выскользнул из меня. Протянув руку, я коснулась его — крохотной, скользкой козявки.
ПРОШУ.
ТЫ НЕ ДОЛЖНА НИ ДВИГАТЬСЯ, НИ ГОВОРИТЬ. ПРОСТО ЛЕЖИ НА КАМНЯХ, ТАКАЯ ХОЛОДНАЯ, ТАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ.
Я постаралась, но он утратил силу, которая придавала ему мужества.
Довольно скоро я ушла из покоев принца, а в ушах у меня еще звучали его проклятия и слезы.
На следующий день рано утром он уехал, забрав всех своих людей — они поскакали в лес.

Представляю себе его чресла, пока он ехал, неудовлетворенность, камнем залегшую в основании его ствола.
Воображаю себе его плотно сжатые губы.
Потом представляю себе, как небольшой отряд едет по лесу и выезжает наконец к стеклянной гробнице моей падчерицы.
Такая бледная. Такая холодная.
Обнаженная под стеклом. Почти ребенок. Недвижима, мертва.
В моем воображении я почти чувствую, как внезапно отвердевает его ствол, вижу, как им овладевает похоть.
Слышу молитвы, которые он бормочет вполголоса, благодаря небеса за свою удачу.
Я представляю себе, как он торгуется с волосатыми человечками, предлагает им золото и пряности в обмен на прекрасный труп под стеклянным саркофагом.
С готовностью ли они взяли золото?
Или поглядели на его конную свиту, на острые мечи и копья и поняли, что иного выхода у них нет?


Не знаю. Меня там не было.
В зеркало я не смотрела.
Могу только воображать…
Руки, снимающие куски стекла и кварца с её ледного тела.
Руки, нежно гладящие её ледную щёку, сдвигающие её ледную руку, ликующие, что труп еще свеж и податлив.
Взял ли он её прямо там, у всех на виду?
Или велел перенести в укромное место, прежде чем войти в неё?
Мне неведомо.
Вытряхнул ли он яблоко у неё из глотки?
Или, пока он вонзался в её ледное тело, её глаза медленно открылись?
Раздвинулись ли ее губы, эти красные ледные губы, обнажились ли острые желтые зубы у смуглой шеи, когда кровь, которая есть жизнь, потекла ей в горло, смывая кусок яблока, смывая мой яд?
Мне остается только гадать. Наверняка я не знаю.


Вот что я знаю:
ночью я проснулась от того, что её сердце запульсировало и забилось опять.
На лицо мне закапала солёная кровь.
Я села. Рука у меня горела и гудела, будто по основанию большого пальца я ударила камнем.
В мою дверь барабанили.
Я испугалась, но ведь я королева и не выкажу страха.
Я распахнула дверь.
Первыми в мои покои вошли его воины и окружили меня, наставив на меня свои острые мечи и длинные копья.
Потом вошёл он. И он плюнул мне в лицо.
Наконец в мои покои вошла она, как сделала это, когда я только стала королевой, а она была шестилетним ребенком.
Она не изменилась. Ни в чём.


Она дернула за нить, на которой было подвешено её сердце.
Она сорвала одну за другой ягоды рябины, сорвала головку чеснока, за столько лет совсем уже высохшую, потом взяла своё собственное, своё бьющееся сердце —
– маленькое, не больше чем у молочного козлёнка или медвежонка, а оно полнилось кровью, выплескивавшейся ей на руку.
Ногти у неё, наверное, были острые, как стекло.
Ими она разрезала себе плоть, проведя по пурпурному шраму.
Её грудь внезапно разверзлась — пустая и бескровная.
Она лизнула разок своё сердце — а кровь всё бежала у неё по рукам.
И задвинула его глубоко под ребра.


Я видела, как она это делает.
Я видела, как она снова сдвинула плоть и кожу.
Её принц поглядел на неё было беспокойно...
...но все же обнял за плечи, и они встали бок о бок и ждали.
Но вместе с сердцем в неё не вошло тепло, и на губах у неё остался налет смерти, и потому его похоть ничуть не уменьшилась.
Они сказали мне, что поженятся, и два королевства действительно объединятся.
Они сказали, что в день свадьбы я буду с ними.

Мут становится жарко.
Они оговорили меня перед моим народом, приправляя толикой правды похлебку, сваренную изо лжи.
Меня связали и держали в крохотной каменной каморке под дворцом, в подземельях я пробыла всю осень.
Сегодня за мной пришли.
Сорвали с меня лохмотья и смыли грязь, потом побрили мне голову и пах и натерли мою кожу гусиным жиром.
Снег падал, пока меня несли — по мужчине на руку, по мужчине на ногу — всем напоказ, распятую и холодную, через зимнюю толпу и затолкали в печь для обжига.
Моя падчерица стояла рядом со своим принцем.
Она смотрела на меня, на моё унижение, но молчала.

Когда, глумясь, меня заталкивали в печь…
…я увидела, как одна снежинка легла ей на белую щеку и так и осталась на ней, не растаяв.
Они закрыли за мной дверцу печи.
Мут становится всё жарче.
А там они поют, веселятся и стучат в железные стенки.
Она не смеялась, не глумилась, не говорила.
Она смотрела на меня, и на мгновение я увидела своё отражение в её глазах.

Я не буду кричать.
Этого удовольствия я им не доставлю.
Тело моё они получат, но моя душа и моя история принадлежат только мне, со мной и умрут.
Гусиный жир начинает плавиться и блестеть. Я не издам ни звука. Больше я думать об этом не буду.
А стану думать про снежинку на её щеке.

Думать про волосы, чёрные, как уголь...
...губы, красные, как кровь...
...кожу, белую, как снег.

Снег, зеркало, яблоки™

Примечания

КОЛЛИН ДОРАН

Еще подростком я восхищалась работами Гарри Кларка. Я приняла его иллюстрации в «Ангеле мира» за работу Обри Бёрдслея, а затем потратила годы, пытаясь найти информацию о его жизни и творчестве. Он оказал большое влияние на мою работу, но впервые попав в комикс-индустрию, я не встретила большого энтузиазма по поводу этого весьма декоративного стиля. И как бы мне ни хотелось, возможности поработать в нём мне почти не представилось.

Нил Гейман, еще один большой почитатель Кларка, решил, что *«Снег, зеркало, яблоки»* — отличная история для такого стиля.

Ниже вы видите ранние дизайны обложек и эскизы. Мне бы хотелось завершить второй эскиз в том же ключе, как и финальный вариант. Может, позже я так и сделаю, забавы ради.

Справа ещё один неиспользованный эскиз обложки, который, как мудро решил Нил, больше подходил для молодежного романа. По объективным причинам мы не хотели, чтобы эта книга привлекала детей.

На этой странице — иллюстрации в процессе рисования. Большинство из них были выполнены полностью вручную, включая все мелкие детали, требующие кропотливой работы, и участки с насыщенным черным. Можете себе представить, какой это исключительно трудоемкий подход к работе.

Иллюстрация кухни — одна из тех, что мне понравилось рисовать больше всего. Мой ассистент по цвету, Вэл Труллингер, с которой я работала над книгой *«Удивительный, фантастический, невероятный Стэн Ли»*, нашла себя в подборе большинства цветов для этой страницы. Однако я решила, что благоразумнее всего будет, если Вэл поможет с набросками, а финальные цвета сделать самой, потому что совмещать цветовые стили очень тяжело. Я же перекрашивала все, даже свои собственные цветовые наброски, которые в какой-то момент сделала небрежно. Поскольку это мой первый крупный проект графики цвета и я никогда раньше не работала с цветными набросками, то техническая помощь Вэл была огромна.

Эротические сцены оказались трудноватой задачей, ведь я переживала, насколько точно необходимо передать оригинал. Мне действительно понравилось делать двойной разворот с молодой королевой и её королем. Хотя он и оказался более современным и менее в стилистике Гарри Кларка, чем я предполагала.

На переделку иллюстраций к этой книге я потратила времени больше, чем на что-либо нарисованное мною ранее. Я выкинула примерно половину своих рисунков, начав наносить краску.

Я не нажимаю на карандаши, раскрашивая собственную работу. Но в этих иллюстрациях финальные цвета должны были быть столь выверенными и чистыми, что у меня было не так много пространства для маневра. Ошибаясь, я чувствовала, что вынуждена переделать всю страницу.

И как может подтвердить мой редактор, чем ближе становился срок сдачи, тем меньше я могла себе позволить такую роскошь.

Я сделала три варианта этой страницы, на которой Белоснежка противостоит королеве. Я взяла свои первоначальные наброски, отсканировала их, затем разрезала и вставила элементы в компьютерную программу, чтобы выработать финальную композицию.

Глаза как в манге, которые вы можете здесь увидеть, основаны на стиле Кларка. В течение многих лет люди полагали, что я переняла этот взгляд в своих комиксах из манги, но задолго до того, как я увидела мангу, на меня повлияли художники-модернисты,

например Бёрдслей и Кларк. Работы Кларка предвосхитили ненатуральные большие глаза из манги, хотя я уверена, что была предрасположена полюбить стилистику манги из-за воздействия на меня Бёрдслея и Кларка.

Подход Кларка к человеческой фигуре очень утонченный и трогательный, и я не хотела, чтобы он поглотил атмосферу книги. Тем не менее я выбрала более стилизованный взгляд, чем обычно.

Я жестко ограничила число панелей и использовала плавный переход страниц, чтобы показать изменения во времени, настроении и ощущении. Для моментов, которые требовали временного ритма, как на странице 48, я использовала панели.

Большая часть истории рассказана с позиции королевы, поэтому я хотела свободной эмоциональности. Задача состояла в том, чтобы сохранить движение сюжета, не смущая читателя или несчастного летториста, которому надо было быть очень внимательным с расположением текстовых облачков.

Для финальных карандашных рисунков я отсканировала эскизы, размером чуть больше 5 см, увеличила их до размеров страницы (примерно 23х33 см) и, используя лайтбокс, скопировала эскизы на лист бристольского картона. Это помогает сохранить энергию первоначального рисунка.

Мне нравится возможность прорабатывать проблемы композиции на компьютере, который может сберечь часы рисования и перерисовки. Однако все мои финальные иллюстрации нарисованы вручную и я не делаю «скетчей синим карандашом», как многие художники.

Образ распорядителя ярмарки основан на двух работах Кларка: основной фигуре в *«Бешеных Малрэнни»* — иллюстрации Кларка для пьесы *«Удалой молодец — гордость Запада»* Дж.М. Синга и витраже *«Песнь безумного принца». «Бешеные Малрэнни»* также стали основой иллюстрации на странице 18. Другие ссылки на работы Кларка включают иллюстрации к рассказу Э.А. По *«Колодец и маятник»* и крошечную иллюстрацию двух стилизованных лошадей, вплетённых в вышивку королевы.

Кларк был лидером ирландского художественного движения *«Искусства и ремёсла»* и, надо полагать, больше всего известен своими витражами. Как только я увидела старые, затемненные репродукции его иллюстраций, Нил вдохновил меня на поиск блестящих цветных оригиналов. Я отправилась в Дублин, чтобы достать фотографии и репродукции работ Кларка, характерной чертой которых были глубокие, похожие на драгоценные камни оттенки синего цвета. Их я включила в свой подход к цвету, хотя моя работа более сдержанная, чем у Кларка.

Я глубоко признательна Нилу, нашему редактору Дэниелу Чэбону и издательству Dark Horse за предоставленную мне великую возможность поработать над этой книгой, да ещё и не ограничивая творческую свободу художника.

ЛЕДЕНЯЩЕЕ КРОВЬ ФЭНТЕЗИ-ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СКАЗКИ «БЕЛОСНЕЖКА» АВТОРАМИ БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES – НИЛОМ ГЕЙМАНОМ И КОЛЛИН ДОРАН!

Вовсе-не-злая королева запугана своей страшной падчерицей, но ей суждено победить это создание и спасти королевство от превращения в мир, где счастливые финалы далеки от «долго и счастливо». Лауреат премий «Хьюго», Брэма Стокера, «Локус», Всемирной премии фэнтези, «Небьюла», автор бестселлеров New York Times Нил Гейман представляет этот графический роман, созданный Коллин Доран («Мост тролля»).

«Как Рэй Брэдбери до него, Нил Гейман пишет прелестные маленькие хоррор-истории, сказки и фантасмагории, которые в равной степени известны и легендарны. Истории, которые всегда совсем не такие, каких ожидает читатель... В книге «Снег, зеркало, яблоки» он исследует захватывающие возможности зеркального отражения мифов о Белоснежке».
—The A.V. Club

БИБЛИОТЕКА НИЛА ГЕЙМАНА

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-117674-7
9 785171 176747
www.vk.com/ast_mainstream